Акад. В. В. БАРТОЛЬД.

Библиотека
Алушкинского Государств.
Дворца-Музея
ОТДЕЛ
ИНВ. № 2082
ШКФ.

КИРГИЗЫ.

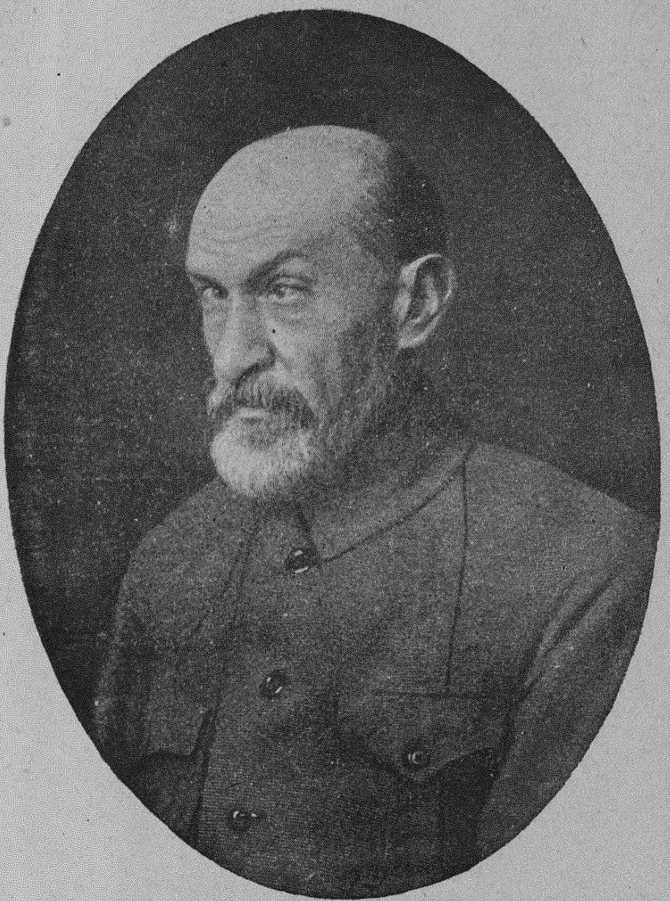
(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК).

ФРУНЗЕ,
Киргизское Государственное Издательство
1927

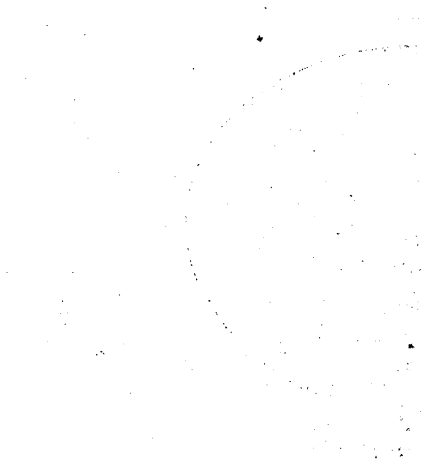
6к
2-й экз

Пров. 1955

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
658
56



Акад. В. В. БАРТОЛЬД.



Издание очерка по истории киргизского народа давно задумано Научной Комиссией, существовавшей ранее при Отделе Народного Просвещения Киргизской Автономной Области. Главной побудительной причиной к такому изданию послужил возросший после самоопределения киргизского народа интерес к самопознанию, к познанию, в частности, своей истории.

Кроме того Научной Комиссией учитывалось и то обстоятельство, что в нашей научной литературе нет ни одного систематизированного труда по истории киргизского народа, одного из древнейших народов Средней Азии; потребность же в подобном труде для туркологов и большого числа лиц, интересующихся советским Востоком—вполне очевидна.

Научной Комиссией было получено от академика В. В. Бартольда любезное согласие взять на себя труд составления настоящего очерка.

Академический центр (бывш. Научная Комиссия) Наркомпроса Кир. АССР выражает Василию Владимировичу Бартольду свою глубокую благодарность за отзывчивое отношение к культурным начинаниям киргизского народа.

Акцентр Наркомпроса Кир. АССР.

ГЛАВА I.

Древнейшие известия.

Киргизы (*кыргыз*) принадлежат к числу древнейших народов Средней Азии. Из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время, нет, повидимому, ни одного, название которого так рано встречалось бы в истории.

Почти все наши сведения о судьбах восточной части Средней Азии в до-монгольский период извлечены из произведений китайской официальной историографии, где названия народов и другие собственные имена, личные и географические, передаются, конечно, в транскрипции китайскими иероглифами. При переводе китайских текстов русские ученые обыкновенно руководствовались произношением иероглифов в современном пекинском наречии, западно-европейские—китайским литературным или так называемым „мандаринским" языком; некоторые синологи сверх того старались установить, на основании лингвистических данных, как должны были произноситься те или другие иероглифы в то время, к которому относился данный памятник; в связи с этим иногда решался вопрос об этнографическом происхождении упоминаемых китайцами народов. Из трудов западно-европейских синологов в настоящем очерке чаще всего встречаются ссылки на статью Хирта (*Fr. Hirth*) „*Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk*" (1899), на труд Шаванна (*E. Chavannes*) „*Documents sur les Tou-kue* (*Turcs*) *occidentaux*" (1903)[1] и на труд де-Грота (*M. de Groot*) „*Die Hunnen der vorchristlichen Zeit*" (1921)[2].

На русском языке китайские сведения о народах Средней Азии собраны в труде монаха Иакинфа (Бичурина) „Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" (1851), доведенном до X века; продолжением этого труда должен был служить труд В. П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии от X-го до XIII-го века» (1857).

Первым по времени памятником китайской официальной историографии являются «Исторические записки» (Ши-цзи) Сы-ма-цянь'я, „отца истории в Китае", закончившего свой труд в 99 году до нашей эры. В это время северными соседями китайцев были хунны (*Hiong-nu*), создавшие первую известную в истории Средней Азии обширную кочевую империю; сами китайцы обыкновенно сближали хуннов с народами турецкого происхождения; европейские ученые до последнего времени[3] большею частью также считали хуннов тур-

---

1) Ср. мою рецензию в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., т. XV.

2) Ср. мою рецензию в журнале „Анналы". II.

3) О теориях по вопросу о хуннах ср. К. Иностранцев, „Хунну и Гунны". 2-е дополн. изд., Ленинград, 1926, (Ленингр. Инст. Жив. Вост. Яз., Труды Тюркол. Семинария, I).

ками, хотя теперь такой специалист по китайским известиям о Средней Азии, как проф. Пельо (*Pelliot*) склонен вернуться к прежней теории о монголизме хуннов. По словам Сы-ма-цян'я, хунны на севере, между прочим, подчинили себе царство Гэ-гунь (в транскрипции де-Грота (*Kik-K'un*), повидимому, в 201 году до нашей эры. Как сами китайцы, так и европейские ученые сближают эту транскрипцию с другими, употреблявшимися для передачи слова „кыргыз", так что известие о событии 201 года до нашей эры должно быть признано *первым по времени известием о киргизах*. Старались об'яснять эту транскрипцию также иначе; в первом слоге, являющемся, как мы сейчас увидим, впоследствии в форме «Гянь», видели передачу названия реки «Кем», во втором—передачу названия реки «Орхон», и потому полагали, что китайцы назвали так область между Енисеем и Орхоном. Енисей, действительно, носил у турецких народов всегда название „Кем", но китайцы передавали это слово другим иероглифом, не тем, которым передавалась первая часть названия „кыргыз". Вторая часть, действительно, передавалась тем же иероглифом, как впоследствии название реки „Орхон", так что можно думать, что и в названии киргизского народа китайцы слышали в конце носовой звук. По мнению Пельо, мы имеем здесь монгольское образование единственного числа—*кыркун*. Так как китайцы, по всей вероятности, узнали о киргизах от своих соседей хуннов, то этим подтверждалось бы мнение Пельо о монголизме этого народа.

Рассказ о событии 201 года до н. э. ничего не говорит ни об области киргиз, ни о ее местоположении; но вместе с киргизами, очевидно, в качестве их соседей, назван, между прочим, народ Дин-лин (*Ting ling*), в котором видят предков так называемых «енисейских остяков». На этом основании можно предположить, что киргизы уже тогда. как впоследствии, жили на Енисее.

Несколько больше, хотя все-таки очень мало географических данных мы находим в „Истории Старших Хань» (206 до н. э. —25 н. э.); автор Бань-гу, умер в 92 году н. э. В рассказе о событиях второй половины 1-го века до н. э. киргизы упоминаются под названием Гянь-гунь (у Шаванна *Kien koen*, у де-Грота *Kin k'un*). Один из представителей царствовавшего дома хуннов передвинулся на запад, в страну по соседству с владениями народа У-сунь, о котором автор часто говорит и в других местах, как о западных соседях и врагах хуннов. Местоположение страны усуней определяется им довольно точно; центр ее находился в местности к югу от Иссык-Куля, на западе она граничила с Ферганой, на востоке заключала в себе местность к востоку от озера Эби-нор и к западу от города Ши-хо, Узнав о приближении хуннов, усуни выслали против них отряд в 8.000 человек; этот отряд был разбит хуннами—очевидно, не во владениях усуней. но дальше к востоку. Победив усуней. хунны направились на север, против народа У-гэ, оттуда на запад, против народа Гянь-гунь, оттуда на север, против народа Дин-лин; покорив все эти „три царства", хунны часто посылали войска на усуней и всегда одерживали над ними победы. Предводитель хуннов прожил некоторое время в стране Гянь-гунь, потом заключил союз с западными соседями усуней, кангюйцами (Кан-гюй, у Шаванна *K'ang-kiu*, у де-Грота *K'ang-ki*), владения которых доходили до местности к северо-западу от Ферганы. Хунны приняли приглашение кангюй-

цев перейти в их страну, на пути туда понесли большие потери, (спаслось только 3,000 человек войска), но там им удалось основать могущественное царство и одержать большие победы над усунями. Это царство в 36 году до н. э. было уничтожено войском посланным на запад китайцами, и сам предводитель хуннов, основатель царства, был казнен.

О стране Гянь-гунь говорится еще, что она находилась в 7,000 ли (ли — в то время 1/3 версты) на запад от столицы хуннов (на Орхоне или Толе) и в 5,000 ли к северу от области Че-ши или Гу-су, т. е от области в восточной части Китайского Туркестана, где теперь город Турфан. Мы увидим, что впоследствии мусульманскими географами также описывается путь на север в страну киргиз, на Енисей, из местности около Турфана. Если указанные китайцами расстояния близки к действительности, то возможно, что киргизы тогда жили не только на Енисее, но и южнее, в той местности, где теперь озеро Кыргыз-нор (нор или нур по-монгольски— озеро); насколько мне известно, нет сведений о том, когда и почему озеро получило такое название. Во всяком случае, ход событий показывает, что страна Гянь-гунь находилась восточнее страны усуней и что только по случайному недосмотру в рассказе о движении хуннов из страны Гянь-гунь в страну Кан-гюй об усунях не упоминается; несомненно, что понесенные хуннами на этом пути потери были причинены им усунями. Недосмотр Бань-гу ввел в заблуждение писавшего в III в. н. э. Юй-хуан'я, автора истории династии Вэй (220—264); он помещает страну Гянь-гунь рядом со страной Кан-гюй, при том к северо-западу от нее. Страну динлинов он помещает к северу от страны кангюйцев и тут же уверяет, впадая в явное противоречие с самим собою, что страна Гянь-гунь находилась по середине между двумя другими „царствами". Этими ошибками был введен в заблуждение де-Грот.

Говорится еще о назначении правителями страны Гянь-гунь и других северных стран сановников китайского происхождения, перешедших на службу к хуннам; но эти известия, повидимому, не основаны на точном свидетельстве источников. В самом конце II в. до н. э. на сторону хуннов перешел Вэй-люй, сановник кочевого происхождения, но получивший китайское образование и находившийся на службе в Китае, откуда он был отправлен послом к хуннам. В составленной в XI веке истории династии Тан (618—907) сказано, что Вэй люй был поставлен государем у динлинов; но в истории старших Хань явного указания на это нет. В 99 году до н. э. на службу к хуннам перешел разбитый хуннами после долгого сопротивления китайский полководец Ли-лин; он умер в стране хуннов в 74 году, после чего среди сановников хуннов упоминается его сын. В примечании к переводу этого места у Иакинфа сказано, что „Ли-лин остался у хуннов и получил во владение Хягас" (транскрипция слова кыргыз, употреблявшаяся при династии Тан), „где потомки его царствовали почти до времен Чингис-хана". Из истории династии Тан известно только, что потомком Ли-лин'а считался киргизский каган, положивший в 840 году конец уйгурскому государству и умерший в 847 г. Так как династия Тан принадлежала к тому же роду Ли, то киргизский каган во время переговоров 841 года был признан родственником правившей в Китае династии. Хотели вне-

сти его имя в царскую родословную, но потом отказались от этого, признав, что „Хягас есть небольшой род, который не в состоянии равняться с домом Тан".

О судьбах киргизского народа в первые пять веков н. э. нет, повидимому, никаких сведений. Совершенно неизвестно, как отразилось на киргизах совершившееся в конце 1-го века н. э. падение державы хуннов и переход первенства к народу, известному у китайцев под названием Сянь-би (сяньбийцев до сих пор обыкновенно считали тунгусами; проф. Пельо в лекции, читанной в Ленинграде, назвал их турками, ссылаясь на китайский словарь сяньбийского языка; в печати мне сведений об этом словаре не приходилось встречать). В составленной только в V веке „Истории младших Хань" (25—220) говорится, что сяньбийский государь Таньшихай (умер в 181 году) „на севере остановил динлинов, на западе поразил У-сунь и овладел всеми землями, бывшими под державой хуннов". Слова о борьбе с динлинами заставляют полагать, что Таньшихай владел землей южных соседей динлинов, киргиз. В той же истории динлины иногда упоминаются там, где мы скорее ожидали встретить их южных соседей. Народ У-хуань причислялся китайцами к „восточным варварам" (дун-ку) и некогда был, повидимому, восточным соседом хуннов, в местности к северу от пустыни Гоби; в то же время китайцы говорят, что эта пустыня, куда ухуаньцы приняли преступников, находилась к юго-западу от динлинов и к северо-востоку от усуней; сверх того, говорится об образованных китайцами в начале н. э. военных отрядах, в состав которых входили вместе динлины и ухуаньцы.

После II века динлины больше не упоминаются; нет также сведений о киргизах вплоть до образования в VI-ом веке кочевой империи турок огузов.

ГЛАВА II.

Киргизы от VI до IX в. в.

В истории династии Тан (Тан-шу), правившей от 618 до 907 года, мы находим о киргизах несравненно более подробные сведения, чем в более ранних китайских исторических сочинениях. Впервые географически точно указывается, где жили киргизы и какие пути соединяли их страну с другими; впервые также сообщаются сведения о физическом типе и языке киргизского народа. Сверх того, эти сведения могут быть дополнены начинающимися в тот же период сведениями арабских географов; наконец, что особенно важно, о киргизах несколько раз упоминается в так называемых «орхонских» надписях — исторических надписях, оставленных, преимущественно на реке Орхоне, господствовавшими тогда в Монголии турками.

Что касается путей в страну киргиз, то китайцы говорят о пути от Селенги до «Черных гор» или гор Тань-мань; Фр. Хирт полагает, что имеются в виду Саянские горы и что те же горы упоминаются в орхонских надписях под названием Кенгю-Тарман или Кенгю-Тарбан. По надписям эти горы были крайним западным пределом турецких владений, причем об этом говорится тотчас после рассказа о подчинении киргиз, по которому киргизы жили за горами Кёгмен. Последнее название Хирт нашел в другом китайском источнике (VIII в.) в транскрипции Кю (Цю)-мань. По его мнению, Кюмань и Тань-мань, как по-турецки Кёгмен и Кенгю-Тарман — одно и то же, что мало вероятно. Более правдоподобно, что горы Кёгмен были юго-восточной, горы Кенгю-Тарман—западной границей области киргиз; в первом случае, вероятно, имеется в виду Саянский хребет, во втором—Алтай; хотя в Тан-шу сказано, что страна киргиз простиралась до гор Тань-мань хотя *на юг*. Путь к киргизам через горы Кёгмен упоминается и мусульманскими географами, как путь с юга, из области, где теперь Турфан. Между этой областью и горами Кёгмен были еще горы Кемиз арт и Манбек-Лу; после перехода через горы Кёгмен шли еще семь дней до ставки киргизского кагана. Мусульманские географы ничего не говорят о реке, протекавшей через страну киргиз; у китайцев эта река называется Гянь, т. е. Кем (Енисей).

Киргизы, по Тан-шу, «перемешались с динлинами»; в то же время говорится, что они внешностью походили на народ, получивший от китайцев прозвание Бо-ма («пегие лошади»—будто бы за то, что у этого народа были лошади такого цвета). Бо-ма (у Шаванна *Pomo-ta)* жили прямо к северу от турок (огузов); надо было бы ожидать: от киргиз, тем более, что дальше сказано, что они постоянно воевали с киргизами; их земля всегда была покрыта снегом и доходила

на севере до моря. Черты наружности перечисляются не при описании Бо-ма, но при описании киргиз: «рыжие волосы, румяное лицо и голубые глаза». Такие же черты наружности, так мало соответствующие современному киргизскому типу («красные волосы и белая кожа») приписываются киргизам в рассказе персидского автора XI века Гардизи, заимствованном, повидимому, у писавшего в VIII веке (умер 757 г.) Ибн-Мукаффы; по этим признакам Ибн-Мукаффа считал киргиз родственниками славян. Китайцы говорят еще, что по языку киргизы отличались от Бо-ма; приводится несколько киргизских слов (например, слово ай—месяц), из которых видно, что киргизы уже в то время говорили на одном из наречий турецкого языка. К туркам по языку причисляют киргиз и мусульманские авторы.

Из всего этого, повидимому, можно заключить, что киргизы были отуреченными енисейскими остяками и вели войны со своими родичами, сохранившими свой прежний язык. У енисейских остяков сохранились предания о нападении на них «сверху», т. е. с юга, могущественного народа *килики*[1]); но, конечно, эти предания могут относиться и к более поздним событиям.

Народ Бо-ма не достиг политического об'единения; каждая община имела своего начальника, независимого от других, тогда как во главе киргиз стоял единоличный владетель, носящий в китайской истории титул «ажо». Ни в турецких, ни в других, кроме китайских, источниках этого титула нет; проф. Н. Н. Кузьмин думает узнать его в русском документе 1701 года, где упоминается «езерский (езеры — один из киргизских родов) судья Ожо» (ниже *Ожо* и *Оджа*). В документе 1700 года встречается имя Ботиажо, причем вторую часть этого имени можно толковать как титул.

Из китайских и некоторых западных (в особенности византийских) источников мы знаем, что в VI веке произошло выступление первого по времени народа, называвшего себя турками; во главе этого народа стояли два брата, которых китайцы называют Ту-мынь и Шэ-де-ми. Братьям удалось подчинить себе все степи и некоторые культурные области от границ Китая до границ Византии и Персии; Ту-мынь остался на востоке, Шэ-де ми ушел на запад, где после него правили его потомки. Ту-мынь умер в 553 году; время смерти Шэ-де-ми китайцами не указывается; Шаванн старается доказать, что Шэ-де-ми есть Дильзибул, или Сильзибул византийских источников, умерший в 576 году.

Орхонские надписи только в кратких словах говорят о первых турецких каганах, носивших имена Бумын (можно читать также Буман) и Истеми; среди подчинившихся им народов упоминаются и киргизы. Китайцы говорят только о подчинении киргиз западно-турецкому кагану Ду-лу; происхождение его в точности не установлено; Шаванн полагает, что он был потомком Шэ-де ми (Истеми) в пятом поколении. Ду-лу умер в 653 г., после нескольких неудач и поражений; временем его высшего могущества был 638 г, когда ему подчинились Бо-ма и Ге-гу (у Шаванна *Kie-Kou*), как здесь названы киргизы. Власть турок распространялась некоторое время, следовательно, не только на киргиз, но и на их северных соседей. Где проходила северная граница области киргиз и вместе с тем

1). В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков (Сборн. Муз. Антроп. и Этн. при Акад. Наук, II, 2), Спб. 1914, стр. 4.

области распространения турецкого языка, точно не указывается; некоторый ответ на этот вопрос дают слова Тан-шу: «все реки (бассейна Енисея) текут на северо-восток. Минуя Хягас (чаще всего употреблявшаяся при династии Тан транскрипция слова *кыргыз*), они соединяются и текут на север». Возможно различное толкование этих слов. Если речь идет о повороте Енисея ниже впадения Ангары, около Енисейска, то граница киргизской области приблизительно совпадала бы с нынешней этнографической границей турецких народностей (так называемых «сибирских татар», со времени революции называющих себя хакасами)—с самоедами и тунгусами. Область енисейских остяков начинается теперь гораздо севернее у деревни Анцыферовой, но сохранились воспоминания о том, что прежде они жили гораздо южнее. Если имеется в виду поворот Енисея ниже впадения Кана (что более соответствовало бы определению стран света), то северная граница киргизской области (и распространения турецкого языка) была бы тогда гораздо южнее.

Китайцы говорят еще, что «прежде хягасское государство зависело от дома Сеяньто, который имел там своего гелифу для верховного надзора». Слово *гелифа*, по другой транскрипции *сылифа*, есть, как теперь доказывают, встречающийся в орхонских надписях турецкий титул *эльтебер*. По степени политического значения надписи различают два типа народов (будун): народ с эльтебером (эльтеберлиг будун) и народ с каганом (каганлыг будун); титул «эльтебер» стоял ниже титула «каган» и давался предводителям небольших народов не имевших самостоятельной политической жизни. Дом Сеяньто принадлежал к числу турецких владетельных домов, при чем китайцы говорят что «поколение Сеяньто составилось из двух родов: Се и Яньто». Была попытка об'яснить эти названия, как транскрипцию турецких слов *сир* и *тардуш*. Слово *сир* встречается только в одной надписи, в сочетании «тюрк сир будун», причем из текста не видно, надо ли понимать слово *сир*, как собственное имя или как нарицательное; слово *тардуш* встречается очень часто, как название одной из двух главных ветвей турецкого народа, но сочетания „сир тардуш" в надписях нет, а потому толкование слов Се-яньто, предложенное Хиртом, остается сомнительным; в новейшем труде об орхонских надписях, принадлежащем Томсену (известно, что Томсену принадлежит и честь открытия ключа к чтению надписей), оно не принято.

В главе Тан-шу о поколении Сеяньто киргизы не упоминаются. Из приводимых ниже данных можно заключить, что возвышение Сеяньто в восточной Монголии относится приблизительно к тому же времени, как могущество западно-турецкого кагана Ду-лу, так что киргизы, повидимому, в одно и то же время подверглись нападениям двух ветвей турок-огузов, с востока и запада. Сеяньто возвысились в первый раз в начале VII-го века, в связи с поражением победоносного некоторое время западно-турецкого кагана Чуло; в 611 году Чуло был вынужден удалиться в Китай. Сеяньто в это время действовали в союзе с другим турецким народом, уйгурами, юго-восточными соседями киргиз, занимавшими страну от Селенги к западу; потом между ними произошел разрыв, и в 629 году предводитель Сеяньто До-ми погиб в борьбе с уйгурским предводителем Ту-ми-ду. Еще раньше, когда возвысился западно-турецкий каган

Шегуй, предводители Сеяньто отказались от своих притязаний на каганство. Эти притязания потом возобновил предводитель Инань, сначала подчинившийся восточно-турецкому кагану Хели (620—630), потом, после его поражения, сделавшийся первым лицом в восточной Монголии и правивший до 645 г.; повидимому, это было временем высшего могущества Сеяньто, и к этому времени должно быть отнесено подчинение им киргиз. Через несколько лет после смерти Инаня его преемник погиб в борьбе с уйгурами. Уйгурский предводитель Ту-ми-ду, номинально подчинившийся Китаю, но в своих владениях продолжавший называть себя каганом, был убит в 648 году своим племянником У-гэ. У-гэ и его преемники уже не имели такого значения, и киргизы теперь могли действовать самостоятельно. В 648 году, в год смерти Ту-ми-ду, через 3 года после смерти Инаня и во время упадка могущества западно-турецкого кагана Дулу, киргизами было отправлено первое посольство в Китай.

Китай достиг в это время высшей степени могущества; номинально ему подчинились все земли, входившие прежде в состав турецкой империи, как ее восточной (еще с 630 г.), так и ее западной (после 658 г.) ветви. Областью китайской империи формально сделалась и страна киргизов, причем официально было восстановлено ее прежнее китайское название Гянь-гунь. Фактическими властителями в степи везде оставались прежние ханы и предводители, только теперь они считались китайскими губернаторами, получили китайские чины и были подчинены китайскому наместнику, жившему в городе Янь-жань (в провинции Шань-си, недалеко от нынешнего города Да-тун-фу, считающегося и теперь „одним из важных стратегических пунктов в северном Китае"). В стране киргизов „главноначальствующим" был поставлен старейшина (сылифа) Шибокюй Ачжань, лично приезжавший к китайскому двору. Сношения киргизов с Китаем продолжались до 758 г., когда их страна была покорена уйгурами. Было два посольства в период 650—683 г., одно в период 705—711 и четыре в период 713—755 г. Тем не менее, китайцы ничего не говорят о том, какое участие принимали киргизы в событиях конца VII и начала VIII в.в. Сведения об этом мы находим только в открытых в Монголии турецких надписях этого периода.

Главное содержание надписей — события, связанные с освобождением, после 680-го г., восточных турок от китайского ига и восстановлением восточно-турецкого каганства. Одному из этих каганов, которого китайцы называют Мочжо (он правил с 692 г. или 693 г. и умер в 716 г.), удалось на короткое время распространить свою власть далеко на запад; вообще как ему, так и его брату и предшественнику, восстановителю каганства (китайцы называют его Гу-ду-лу), приходилось воевать не только с китайцами, но и с турецкими каганами и предводителями, иногда заключавшими против новых каганов союз, как между собой, так и с Китаем. Среди врагов Гу-ду-лу, которого надписи называют Ильтерес (по чтению Томсена—Эльтериш)-каганом, упоминаются и киргизы; но война с киргизами и вообще с западными народами тогда еще не имела значения При Ильтересе или при Мочжо (последнему одна из надписей дает титул Канган-каган) было достигнуто соглашение, по которому киргизский предводитель Барс-бег был признан каганом, и за него была выдана дочь Ильтереса. Надпись, составленная от имени главного советника Иль-

тереса и его преемников, Тоньюкука, говорит только о борьбе Ильтерес-кагана с коалицией севера, востока и юга (китайцев); главным врагом считался государь севера, стоявший во главе другой части огузов Баз-каган, тогда как в царствование Мочжо больше значения придавалось борьбе с киргизами и Барс-бегом По турецкому обычаю, у могил ханов и богатырей ставились изображения убитых ими врагов; у могилы Ильтерес-кагана, на первом месте было поставлено изображение Баз-когана, у могилы Мочжо или Канган-кагана—изображение киргизского кагана.

Надпись Тоньюкука говорит о составившейся против восточных турок коалиции трех „каганов": китайского, западно-турецкого (во главе западных турок стоял в то время род Тюргеш) и киргизского; таким образом, на этот раз в коалиции, кроме китайцев, принимали участие только народы запада. Тоньюкук решил произвести нападение на киргизов. Повидимому, эта война произошла зимой 710—711 г. г.; надпись только в кратких словах говорит о битве и победе над киргизами; более подробно говорится о трудностях перехода через горы Кёгмен, т. е. через Саянский хребет. Через эти горы был только один путь, в то время закрытый снегом; от одного человека из народа азов (о нем см ниже) Тоньюкук узнал, что есть еще узкая дорога, где одна лошадь должна была идти за другой, вдоль реки Аны. Тоньюкук решил идти этим путем; войско собралось за местностью Ак-Термель, откуда пешком проложило себе путь через снег. Люди шли сначала верхами, потом вверх по реке пешком, таща лошадей за собой и держась за деревья (или, что более вероятно, за деревянные палки). Передовой отряд протаптывал дорогу в снегу, за ним шло войско; так был пройден перевал Ыбар(?); после этого еще десять суток с таким же трудом и по такому же глубокому снегу совершался спуск; проводник был признан обманщиком и был убит. Дойдя до реки Аны, войско село на коней и быстро отправилось в страну киргиз; ему удалось застигнуть врага врасплох. По другой надписи битва произошла в горах Сонга (или Сунга); турки убили кагана киргиз и завоевали их государство. Как и другие завоевания Мочжо, это завоевание скоро было утрачено; в 731 г. на поминки по царевиче Киль-тегине, сыне Ильтерес-кагана и брате царствовавшего в то время Бильге-кагана (у китайцев Могилянь), явился, среди прочих, посол киргизского кагана Тардуш-Ынанчу-чур (чур — часто встречающийся турецкий титул).

Чтобы разобраться в рассказе о походе турецкого войска на киргиз, необходимо, конечно, основательное знакомство с путями через Саянский хребет. Незадолго до мировой войны было приступлено к проведению колесной дороги от деревни Означенной, где оканчивалось судоходство вверх по Енисею, на селение Усинское; повидимому, эта дорога должна была примкнуть к тому пути, которым прошел в 1870 г. Г. Н. Потанин: через проход Хатын-арка, считавшийся государственной границей и пройденный 18 сентября при сильном буране, в долину речки Ижим и оттуда в долину Уса, правого притока Енисея[1]). Деревня Означенная находится ниже устья Уса; между ней и устьем Уса — самое опасное место для судоходства. Потанин описывает три дороги от усинских деревень к Минусинску, „пролегающие по крутым горам Саянского хребта", „где дви-

1). Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. 1 (Спб. 1881), 374.

жение производится исключительно на лошадях с легкими вьюками и то только в течение трех летних месяцев". Есть зимний путь по рекам Усу и Енисею; возможно, что турки воспользовались им. «Аны» в таком случае есть Енисей; других примеров употребления такого названия мы не знаем. Известно, что слово «Енисей», несмотря на попытки турецких и татарских публицистов об'яснить его из турецкого языка (Ени чай—«новый ручей»), есть тунгусское Ионеси («большая вода») и не употреблялось ни одним турецким народом.

Примыкали ли владения киргиз на юго западе непосредственно к владениям их союзников того времени тюргешей, стоявших во главе западных турок, из надписей не видно; прежде чем идти на тюргешей, Тоньюкук со своим войском вновь перешел из страны киргиз на южную сторону Саянского хребта. Вместе с киргизами несколько раз упоминается народ Аз; в одном месте азы называются вместе с тюргешами, следовательно, жили, вероятно, от киргиз к юго западу, между Саянским хребтом и Алтаем. Вместе с киргизами упоминается еще народ Ч'ик; турки совершили поход на этот народ еще в 709 г., перед походом на киргиз, причем говорится о переправе через реку Кем, но не о переходе через Саянский хребет; вероятно, чики жили к югу от этого хребта, на речках, составляющих истоки Енисея. К востоку от киргизов и к северу от уйгуров, к югу от небольшого озера (Косогола) жил, по китайским известиям, народ Ду-бо; так (Туба) теперь называют самоедов; теперь самоедские племена так далеко на юг не заходят. Китайцы и в то время причисляют Ду-бо и союзные с ними роды Милигэ и Эчжы (связь этих родов с Ду-бо была настолько тесной, что говорится о делении Ду-бо на три рода) к туркам. Возможно, что эти самоедские племена уже тогда были отуречены; по обычаю ходить на лыжах их называли «турками с деревянными лошадьми» (по-китайски «мума тугюй»). На берегах озера Гянь-хай (по мнению Иакинфа — Байкал) с киргизами были смежны народы Да-хань и Гюй, при чем первый народ жил к северу от второго. Киргизское государство простиралось на восток до области народа Гу-ли-чань, в орхонских надписях «Курыкан». По переводу и толкованию Иакинфа, курыканы жили к северу от Байкала до Ледовитого океана, по переводу Шаванна—к северу от пустыни и к югу от Байкала. Во всяком случае владения киргиз занимали обширное пространство до Байкала, и потому киргизы могли соперничать с турками-огузами даже в эпоху их могущества. Факт выдачи дочери Ильтерес-кагана за кагана киргиз не был, повидимому, исключительным; по крайней мере, китайцы говорят, что турецкий царствующий дом вообще выдавал своих дочерей за киргизских старейшин.

Положение киргиз изменилось к худшему после перехода господства в восточной Монголии от турок-огузов к уйгурам. Надписи, составленные от имени умершего в 734 г. Бильге-кагана, показывают, что турецкий царствующий дом считал свое могущество обеспеченным надолго; на уйгуров обращалось так мало внимания, что название этого народа встречается в надписях только один раз; между тем, в 745 г., через одиннадцать лет после смерти Бильге-кагана, господству турок-огузов в восточной Монголии был положен конец, и все их владения перешли к уйгурам.

В рассказе о киргизах в Тан-шу сказано, что они были покорены уйгурами в 758 г.; в рассказе об уйгурах об этом событии не

упоминается. В 758 г. правил уйгурский каган, которого китайцы называют Гэлэ-хан Моаньчжо (745—759); в том же 758 г. его посол в китайской столице спорил о первенстве с арабским послом. Повидимому, этому же кагану посвящена сильно искалеченная турецкая надпись, найденная около Селенги и изданная в 1913 г. финляндским ученым Рамстедтом. Изложение событий доведено в ней только до 757 г., но из нее видно, что у уйгуров были на Енисее столкновения с чиками и киргизами еще в 750 и 751 г.г., при чем упоминается киргизский хан.

К несколько более позднему времени, к концу VIII века, относится другая изданная Рамстедтом надпись, составленная от имени жившего в стране уйгуров сановника киргизского происхождения. Надпись упоминает о его наставнике, при чем употребляется сирийское слово *мар*—„господин", из чего Рамстедт заключает, что этот киргиз принял распространившуюся в то время в стране уйгуров религию передне-азиатского происхождения—манихейство.

Если китайцы считали покорение киргиз уйгурами в 758 г. окончательным, то это, вероятно, об'ясняется тем, что после 758 г. в Китай больше не приходили киргизские посольства Что киргизы продолжали оказывать уйгурам сопротивление, видно из надписи на китайском языке, относящейся к царствованию другого уйгурского кагана, правившего от 808 до 821 г. При этом кагане снова была война между уйгурами и царством Гянь-гунь, т. е. киргизами, которым приписывается большое могущество; у них будто-бы было до 400000 вооруженных луками воинов (по Тан-шу у киргиз было всего 80.000 человек войска). На этот раз киргизское государство будто-бы потерпело полный разгром и прекратило свое существование; но в Тан-шу, в рассказе о появлении нового киргизского кагана и о полной победе его над уйгурами в 840 г. говорится, что до своей победы этот каган „двадцать лет продолжал войну" с уйгурами. Если так, то почти не остается времени для полного подчинения киргиз уйгурскому кагану.

По переводу Иакинфа, в Тан-шу говорится, что киргизский владетель получил от уйгурского кагана титул Пицьсе Тунге Гинь, без прибавления слова „каган"; таким образом, поражение киргиз имело последствием только утрату каганства и независимости, но не утрату государственной автономии. При благоприятных обстоятельствах, повидимому, очень скоро после поражения, киргизский „ажо", как его называли китайцы, мог возобновить борьбу с уйгурами и притязания на каганство, опираясь, повидимому, на западных союзников. Говорится, что он об'явил себя ханом (каганом), свою мать, происходившую из тюргешей, вдовствующей ханшей (хатун), свою жену, дочь карлукского государя, носившего титул ябгу, ханшей Карлуки, ушедшие в VIII в. на запад и образовавшие после 766 г. государство с центром на берегах Чу, постоянно упоминаются и потом, как соседи и союзники киргиз; но упоминание тюргешей кажется несколько странным; тюргешское каганство уже около 740 г. было уничтожено арабами; после 756—7 г.г. тюргеши уже не имели никакого политического значения.

Война с уйгурами кончилась торжеством киргиз в 840 г., когда киргизами была взята столица уйгуров на Орхоне (ныне развалины Харыбамыза); от местопребывания киргизского кагана на Енисее до

этого города считали 40 дней верблюжьего хода; при этом был убит уйгурский каган, правивший с 832 г. Киргизам не удалось окончательно покорить уйгуров; несмотря на потерю столицы, в 841 г. был провозглашен новый уйгурский каган Уге, боровшийся со своими врагами еще до 847 г., когда он погиб в борьбе со своими мятежными подданными; после этого уйгуры частью подчинились завоевателям Монго́лии—киргизам, частью ушли на юг, где основали два княжества, одно в области Турфана, другое в области Гань-чжоу. Господство над Монголией перешло к киргизам, государство которых благодаря этому сделалось первенствующей кочевой державой в восточной части Средней Азии.

ГЛАВА III.

IX и X вв. Киргизское великодержавие.

Завоевание Монголии киргизами представляет редкий в истории Средней Азии пример завоевательного движения с запада на восток; почти все движения происходили в обратном направлении. Повидимому, киргизский хан не сделал своей столицей города уйгурского кагана на Орхоне; после своей победы он только перешел „на южную сторону гор Лао-шань" или Ду-мань, в 15 днях конной езды от бывшей столицы уйгуров; вероятно, имеются в виду горы Танну-Ола. Из военных предприятий киргизов известен только поход, в числе 70.000 воинов, на юг от песчаной степи, причем хан после победы возвратился обратно на северную сторону, уведя с собою часть уйгуров.

В противоположность уйгурам и их предшественникам огузам, часто нападавшим на Китай, киргизские ханы с самого начала старались установить дружественные отношения с династией Тан При взятии уйгурской столицы они нашли там китайскую царевну Тайхо и под охраной конвоя отправили ее обратно в Китай; конвой подвергся нападению со стороны уйгурского кагана Уге, которым была захвачена и царевна, освобожденная из уйгурского плена только в 843 г. Мы видели, что киргизский каган, как потомок китайца Лилина, считал себя родственником династии Тан, происходившей из той же семьи Ли. Китайские императоры сначала были склонны признать новых родственников; но потом императора Сюань-цзуна (847—859) убедили, что „Хягас есть небольшой род, который не в состоянии равняться с домом Тан". Вопрос был предложен на решение коллегии высших чиновников; коллегия решила что, „уйгурам давались грамоты во время их могущества; к счастью, они теперь упали, и для устранения будущих беспокойств не для чего усиливать киргиз". Несмотря на такое неблагоприятное решение, сношения киргиз с Китаем продолжались; в царствование следующего императора И-цзуна (860—873) было три киргизских посольства. Победитель уйгуров умер еще в 847 году, т. е. в том же году, как его главный враг Уге; в Тан-шу приводится имя и титул его ближайшего преемника, но никаких других сведений ни о нем, ни о следующих киргизских ханах не сообщается.

Вообще китайские известия о Средней Азии в эпоху киргизского великодержавия крайне скудны. Известия Тан-шу о киргизах, кроме упомянутых переводов, собраны в статье В. Шотта *„Ueber die ächten Kirgisen"* (1865); в этих известиях дается описание страны и народа, но не сообщается никаких сведений по истории киргиз после 1847 г. Более широкое распространение среди неспециалистов полу-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

чил труд Клапрота „*Tableaux historiques de l' Asie*“ (1826); Шотт относится к этой книге довольно отрицательно и доказывает, что ею во многих случаях был введен в заблуждение знаменитый географ Риттер в своем монументальном труде по географии мира (*Erdkunde*). Влияние книги Клапрота, через посредство труда Риттера, проявляется и в исторических главах известной книги Радлова «*Aus Sibirien*» (1884; второе издание, 1893, заключает в себе перепечатку первого без всяких изменений). Кроме китайцев, известия о Средней Азии в IX и X вв. сообщают и мусульманские авторы. Самое подробное описание путей через Среднюю Азию, в том числе и пути к киргизам, дает писавший по более ранним источникам персидский автор XI в. Гардизи, рассказ которого был издан и переведен мною в 1897 г. в моем «Отчете о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893—1894 гг.». Из новейших ученых трудов, где рассматриваются мусульманские известия о Средней Азии, в том числе о киргизах, особенного внимания заслуживают труды Маркварта, особенно его труд (1914 г.) о народности команов (половцев). Достоинства и недостатки этого труда я постарался отметить в своей рецензии, напечатанной в Русском Историческом Журнале, кн. VII (1921).

О сношениях между киргизами и мусульманами говорят и китайцы, по словам которых киргизское государство было всегда в дружественных связях с Даши (таджиками, как тогда называли арабов) Туфанью (тибетцами) и Гэ-ло-лу (курлуками). Из страны арабов к киргизам каждые три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных узорчатыми (по переводу Шотта: вышитыми золотом) шелковыми тканями; иногда число верблюдов доходило до 24. Повидимому, в Тан-шу не сказано, какими путями шел караван. У Клапрота к арабскому каравану отнесено то, что сказано в Тан-шу о тибетцах: боясь грабежей со стороны уйгуров, тибетцы шли в страну карлуков и ждали там провожатых; по толкованию Иакинфа, этот конвой доставляли им карлуки, по толкованию Шотта—сами киргизы.

Из слов о дружбе киргиз с арабами, тибетцами и карлуками можно заключить, что киргизы даже в эпоху своего великодержавия мало вмешивались в происходившие в западной части Средней Азии войны. Возможно, что некоторое время врагами их оставались уйгуры, захватившие в промежуток времени между 860 и 873 гг. часть нынешнего Китайского Туркестана с городами Кара-Ходжа (около современного Турфана) и Бишбалык (у китайцев Бэй-тин, около современного Гучена). Предшественниками их здесь в VIII в. были другие турецкие народности, сначала басмылы, потом турки-огузы, которых арабы называли тугузгузами (по-турецки токузогуз, по делению огузов на девять родов), китайцы—Шато (по названию пустыни, где они некоторое время жили). В 794 г. эта область была завоевана тибетцами, и населявшие ее турки в начале IX в. были оттеснены в пределы собственного Китая; уйгуры, таким образом, уже застали здесь не турок, а тибетцев. Арабы, повидимому, ознакомившись с этой местностью еще в то время, когда она принадлежала огузам, не знали о последующих переменах и потому продолжали называть местное население тугузгузами; только Махмут кашгарский в XI в., едва ли не единственный из писавших на арабском языке авторов, имевший возможность говорить о Средней Азии не по книгам, а на основании личного знакомства со страною, вместо

«тугузгуз» везде пишет „уйгур". После борьбы между уйгурами и огузами в Монголии в состав уйгуров вошла часть огузского народа; уйгурский хан середины VIII в., надпись которого издал Рамстедт, называл себя государем он-уйгуров (десяти уйгуров) и токуз огузов (девяти огузов), хотя и уйгуры, по китайским известиям, разделялись на девять родов, и писавший в монгольский период историк Рашид ад-дин рядом с он-уйгурами знает и токуз-уйгуров. Во всяком случае, изданная Рамстедтом надпись показывает, что уйгурский хан, как и следовало ожидать, прежде всего чувствовал себя государем своего уйгурского народа; если бы арабы впервые познакомились с восточной частью Китайского Туркестана только в то время, когда там уже жили уйгуры, то в арабскую географическую литературу вошло бы название „уйгур", а не название „тугузгуз".

Вследствие этого иногда бывает трудно решить, какие из арабских известий о тугузгузах относятся к уйгурам и какие—к их предшественникам, как вообще трудно приурочить те или другие сведения о Средней Азии, находящиеся в мусульманской географической литературе, к определенному хронологическому моменту. Мусульманские географы черпали свои сведения из книг, большей частью не называя своих источников и не предупреждая читателя, что ему говорят не о том, что есть теперь, а о том, что было когда то, иногда на несколько веков раньше. Это относится, конечно, и к тем известиям, в которых упоминаются киргизы (арабские и персидские авторы этого времени пишут хирхиз, как вообще буквой *х* в то время передавали турецкое гортанное *к*; писали, например, харлук, у персидских авторов харлух, вместо карлук). Если нам достоверно известно, в каком году написано данное сочинение, это нисколько не раз'ясняет вопроса, к какому времени относятся сообщаемые в нем факты.

Кроме писавшего в XI в. Гардизи, интересные сведения сообщает анонимный труд, также на персидском языке, „Границы мира" (Худуд ал-алек), написанный в 372 г. хиджры, т. е. в 982 или 983 г. н. э. Это сочинение дошло до нас только в одной рукописи, найденной в Бухаре в 1892 г. для покойного А. Г. Туманского, вследствие чего самый труд упоминается в русской научной литературе обыкновенно под названием „рукопись Туманского". По этому источнику, киргизы были не только северными, но и западными соседями тугузгузов. Тот же автор говорит о городе Пенчуле (произношение не вполне установлено; в китайской транскрипции Вынь-су; по местоположению соответствует нынешнему Уч-Турфану), что он находился в области карлуков; его владетель прежде был в зависимости от тугузгузов, а „теперь" этим городом владеют киргизы. Арабы вообще говорят о войнах между тугузгузами и карлуками, что прежде перевес был на стороне тугузгузов, а потом, когда тугузгузы приняли манихейство (возможно, что эта религия была принята в восточной части Китайского Туркестана раньше, чем уйгурами в Монголии), успех перешел на сторону карлуков. Однако, из рукописи Туманского можно заключить, что тугузгузы отняли у карлуков часть их владений; народу Ягма, вышедшему из среды тугузгузов, принадлежали Кашгар и часть Семиречья (Джетысуйской области) к югу от Нарына. О Кашгаре говорится, что здесь была граница между областью народа Ягма, киргизами, тибетцами и Китаем.

Известия рукописи Туманского о границах между средне-азиатскими народами не вполне отчетливы; в главе о киргизах говорится, что соседями их на юге, кроме тугузгузов, была часть карлуков, но в главе о карлуках (халлух) киргизы среди соседей этого народа не упоминаются. Зато киргизы названы среди соседей двух других семиреченских народностей. чигилей и тухсийцев; чигили жили на северном берегу Иссык-куля, тухсийцы, составлявшие часть тюргешей (другой ветвью тюргешей были упомянутые выше азы),—в долине реки Чу.

Из всего этого можно заключить, что киргизы в эпоху своего великодержавия несколько расширили свои владения в сторону юго-запада; но о том, когда и как это произошло, источники не дают никаких сведений; слово „теперь" в рукописи Туманского во всяком случае заимствовано из более раннего источника и не может быть отнесено к времени автора, когда киргизы уже утратили свое кратковременное могущество. Вообще ничего не говорится об отношениях между киргизами и другими народами. По Тан-шу к киргизам привозились ткани не только от арабов, но также из Кучи и Бэй-тина, т. е. Бишбалыка, принадлежавшего уйгурам; из этого можно заключить, что и с уйгурами было достигнуто соглашение. На это же указывает приведенный выше, со слов Гардизи, маршрут из области „тугузгузов" до ставки киргизского кагана на Енисее, в 7 днях пути к северу от гор Кёгмен, или Саянского хребта. Это—единственный путь к киргизам, описанный в мусульманской литературе; вообще арабы знали киргиз только как северных соседей тугузгузов и отчасти карлуков и как народ, живший на крайнем северо-востоке; по представлению арабов, владения киргиз доходили на востоке до океана.

Из областей ислама было два пути в степь, на северо-восток, один от низовьев Сыр-Дарьи, другой от Таласа (ныне Аулие-ата); оба пути вели в область народа кимаков, центром которой была местность к северу от Иртыша. Кимаки, западные соседи киргиз, остались совершенно неизвестны китайцам и впервые упоминаются только в мусульманской литературе. Был ли торговый путь из страны кимаков в страну киргиз, как продолжение пути из областей ислама к кимакам, и каковы вообще были отношения между этими двумя народами, совершенно неизвестно. Подобно киргизам, кимаки были по языку турками; об одной местности в стране кимаков в рукописи Туманского сказано, что там люди следуют киргизским обычаям. Повидимому, кимаки раньше киргиз утратили политическое единство, хотя в рукописи Туманского упоминается каган (арабские и персидские авторы всегда пишут хакан) кимаков и хотя глава рано отделившейся от главной массы народа западной ветви кимаков, кипчаков, считался вассалом кимацкого царя. В XI в., при Махмуде Кашгарском, кимаков больше не было; на Иртыше тогда жил народ Иемек, упоминаемый у Гардизи, подобно кипчакам, среди кимацких родов. Известно, что кипчаки впоследствии, не составляя политического целого, дали свое название степям западной части Туркестана и юго-восточной части России; в после-монгольский период те же кипчаки составили ядро казацкого народа, которому в XVIII в. калмыки (ойраты) и русские ошибочно присвоили название „киргиз". Нет указаний на то, чтобы распадению кипчаков способствовали их восточные соседи.

По рукописи Туманского, из страны киргиз вывозилось много мускуса и мехов (о киргизском мускусе говорят и другие источники), также березовое дерево (вероятно, кора) и рог хуту, употреблявшийся для выделки рукояток ножей; как доказывают теперь, имеются в виду привозившиеся с отдаленного севера клыки моржей и нарвалов. Киргизский царь назывался киргиз-хаканом (каганом). По описанию того же автора, киргизы по нравам несколько походят на диких зверей; наружность у них грубая. мало волос; нет справедливости, мало милосердия. Они отличаются воинственностью; со всеми соседями у них война и вражда. У них есть повозки (или лодки), бараны, коровы и лошади; они кочуют, ища воды, травы, (благоприятной) погоды и лугов. Они почитают огонь и сжигают мертвых, живут в палатках и шатрах, занимаются охотой. Есть народ Фури, также из киргиз, к востоку от них; они с другими киргизами не смешиваются; они людоеды, безжалостные; языка их другие киргизы не понимают; они подобны диким зверям. Город, где живет киргизский хакан, называется Кемиджкет. Есть народ Кесим, из киргиз, в горах; у них есть шатры; они добывают меха, мускус, хуту и тому подобное. Есть другой народ из киргиз, язык которого ближе к языку карлуков, а одежда сходна с одеждой кимаков. Ни у одной ветви киргиз нет совсем ни деревень, ни городов; все они живут в шатрах, за исключением того места, где живет хакан.

В этом тексте киргизы являются гораздо более диким народом, чем в Тан-шу; китайские сведения в этом случае, повидимому, более достоверны. Особенно бросается в глаза различие между словами китайцев о мирных сношениях киргиз с другими народами и словами персидского автора о войне со всеми соседями. Подтверждается китайцами известие о сжигании мертвых; китайцы, сверх того, говорят, что через год кости, оставшиеся после сожжения трупа, зарывались в землю; в отличие от турок, при похоронах не царапали лиц. О сожжении мертвых Гардизи прибавляет, что, по мнению киргиз, огонь был самой чистой стихией и уничтожал всякую нечистоту; так и мертвый очищался огнем от грязи и греха. В отличие от других киргиз, народ Фури уносил своих мертвецов в горы и оставлял их на деревьях, пока они не разлагались. Что касается названия единственного киргизского города или поселения, то китайская транскрипция этого названия (у Иакинфа Мидичжы, у Шотта Мидичжита) заставляет предполагать в персидском тексте чтение Микиджкет (последний слог—иранское слово, часто прибавляемое к названию городов и селений, напр. Ахсикет, Пенджикет и т. п.).

В более благоприятном свете изображает жизнь киргиз автор X в. Абу-Дулеф. Сведения о киргизах входят в состав описания путешествия этого автора, несомненно фантастического; в нем много географических несообразностей, и посетить народы в том порядке, в каком он их описывает, Абу-Дулеф не мог. Очень вероятно, что он их вообще не посещал и в качестве виденного им самим приводит сведения, заимствованные из книг, но среди его источников могли быть и достоверные. О киргизах говорится, что они едят просо, рис и всякое мясо, кроме верблюжьего; у них есть дом богослужения и свое письмо; они отличаются благоразумием и осмотрительностью; не гасят светильника, и дают ему погаснуть самому. У них есть мерная речь, которой они пользуются во время молитвы. Есть мускус. Есть три годовых праздника. Их знамена зеленые. Во время молит-

вы они обращаются к югу. Из планет почитают Сатурн и Венеру; на Марса смотрят, как на звезду, предвещающую дурное. Много хищных зверей. Есть камень, светящийся по ночам, так что они обходятся без освещения; из этого камня выделываются вещи только у них. Их царь заботится о их благосостоянии, и они ему повинуются; в его присутствии может садиться только человек старше сорока лет.

В этом рассказе любопытно упоминание о киргизском письме, о котором говорится и в Тан-Шу, где сказано, что у киргиз „письмо и язык совершенно сходны с уйгурскими". Речь идет не о том алфавите, который в это время только начинал распространяться среди уйгуров и впоследствии был заимствован монголами, но о более древних письменах, ключ к чтению которых мог быть найден благодаря открытию орхонских надписей. Что тот же алфавит был известен киргизам, видно из многочисленных надписей в бассейне Енисея, ставших известными науке гораздо раньше, чем орхонские, но разобранных только благодаря открытию исторических орхонских надписей, впервые давших науке материал, на основании которого можно было приступить к разбору загадочных письмен. Попытку дать перевод енисейских надписей сделал Радлов. Надписи почти все надгробные; исторических сведений в них нет, слово „кыргыз" в них не встречается; только потому, что, по историческим сведениям, на Енисее жили киргизы, Радлов полагает, что надписи большею частью принадлежат им Замечательно, что ни в одной надписи нет даты, хотя бы по эре животного цикла, хотя в Тан-Шу именно о киргизах говорится, что у них года составляют двенадцатилетний цикл и обозначаются названиями животных; на этом основании Абель-Ремюза в 1820 году самое изобретение животного цикла был склонен приписать киргизам. Формы букв указывают на более древний период, чем время орхонских надписей; поэтому Радлов был склонен относить енисейские надписи к VII веку, преимущественно ко второй его половине. В одной надписи говорится, что покойный в возрасте семи лет отправился к китайскому императору; по мнению Радлова, это не могло произойти раньше 648 г., когда, по Тан-Шу, было отправлено первое киргизское посольство в Китай. Еще более сомнительно утверждение С. Е. Малова (в докладе на туркологическом с'езде в Баку 28 февраля 1926 г.), что енисейские памятники „датируются даже двумя-тремя столетиями раньше орхоно-селенгинских".

Как всякие надгробные эпитафии, енисейские надписи дают некоторый материал для суждения о понятиях и верованиях народа; но научное использование этого материала едва ли возможно до появления в свет нового, исправленного издания текста и перевода. По религии киргизы несомненно были шаманистами, и к этой религии относятся слова Абу-Дулефа о молитвах и мерной речи. Для обозначения шаманов у киргиз, как и у других турок, было слово „кам"; в енисейских надписях (как и в орхонских) этого слова нет, но оно приводится в Тан-Шу, в рассказе о киргизах. Замечательно, что, несмотря на торговые сношения с буддистами (тибетцами) и мусульманами, нет никаких известий о каком либо успехе среди киргиз буддийской или мусульманской пропаганды.

Из товаров, вывозившихся из страны киргиз, наиболее ценился в мусульманских странах, повидимому, мускус. На торговле этим товаром, как и другими предметами вывоза из стран Дальнего Во-

стока, могло отражаться соперничество морской торговли с сухопутной; развитие морской торговли должно было в этом отношении причинить ущерб киргизам. Известно, что в настоящее время мускус вывозится преимущественно морем из гаваней Китая, особенно из Шанхая. В X в. географ Иби-Хаукаль говорит, что лучший по цене и качеству мускус привозился из Тибета и из области киргиз, очевидно, сухим путем; но уже более ранний (писавший в 891 г.) географ Якуби, ставя выше всего тибетский мускус (киргизский им не упоминается), после него согдийский (в местности по Заряфшану) и только на третьем месте китайский, прибавляет к этому, что лучший сорт китайского мускуса вывозился из гавани Ханфу (Кантон). Мускус упоминается потом среди товаров, привозившихся из Китая в Аден.

Независимо от внешней торговли, у киргиз было свое металлическое производство, может быть, унаследованное от живших некогда на Енисее народов прежней, бронзовой культуры, которых до сих пор не удается приурочить ни к определенному этнографическому типу, ни к определенному хронологическому периоду. Киргизам, повидимому, давно было известно железо; в Тан-Шу сказано, что киргизы выделывали из железа королеве оружие, которым прежде уплачивали дань туркам; железо называлось у них кя-са (*Kja-sa*). Шотт сближает это слово с самоедскими словами *kues, vese, jesea,* но указывает также на возможность родства с алтайским *jäs* „медь" и команским (половецким) *jäs* „желтая медь". Для решения вопроса об ознакомлении киргиз и вообще турок с металлами было бы необходимо более подробное сопоставление относящихся к этому вопросу лингвистических данных. Радлов, в согласии с местным народным преданием, приписывает киргизам могилы на Абакане и Енисее, в которых им были найдены предметы позднего железного века.

По степени своего культурного развития киргизы, несомненно, стояли гораздо выше своих северных и восточных соседей, о которых мы находим некоторые сведения в китайских и мусульманских источниках. Выше были приведены сведения рукописи Туманского о жившем к востоку от киргиз народе Фури, в которых этот народ обвиняется даже в людоедстве. Некоторые подробности о Фури и об отношениях между ними и киргизами сообщаются у Гардизи, по словам которого, от ставки киргизского хана до области народа Фури было три месяца пути. Фури описываются, как дикие люди, живущие в болотах; если их вывести оттуда, они походят на рыб, вытащенных из воды. Если кто-нибудь из них попадает в плен к киргизам, он отказывается от пищи и пользуется каждым случаем, чтобы убежать.

В некоторых других источниках к востоку от киргиз помещаются народы Кун и Кай (или Кайи), при чем, однако, вместо *Кун*, встречается и чтение *Кури*; очень возможно, что это—те же Фури (буквы *куф* в арабском алфавите легко смешиваются). Сопоставление с китайскими источниками заставляет отдать предпочтение чтению Кури. Мы видели, что в Тан-Шу и в орхонских надписях упоминается народ Курыкан, живший, по Тан-шу у Байкала; в более позднем китайском сочинении (Юань-ши, истории монголов) около Ангары помещается народ Ку-ли; тот же народ упоминается у писавшего в начале XIV в. персидского историка Рашид-ад-дина в местности у Байкала, под названием Кури. Есть известие, у автора начала

XIII в. Ауфи, что народ Кури (или Кун) подвергся нападению со стороны своего восточного соседа, народа Кай, и потому передвинулся на запад, где потеснил другие народы; среди этих народов киргизы не упоминаются. и весь рассказ Ауфи, которому придает большое значение Маркварт (по мнению Маркварта, с этим движением связан упомянутый выше факт распадения кимаков), мало подтверждается другими источниками.

Несомненно легендарный характер имеет не лишенный, однако, интереса рассказ того же Ауфи о путешествии одного киргиза вниз по Енисею с целью узнать, куда впадает река. По рассказу Ауфи, в стране киргиз соединяются в одну реку четыре реки; после соединения их река течет во мраке, среди гор и пещер. Киргиз пустился вниз по реке на небольшом судне; в продолжение трех суток он не видел света, звезд, месяца и солнца; наконец, он прибыл на широкую равнину и вышел из судна. Услышав звук копыт лошадей, он влез на дерево и ждал, кто прийдет; явились трое всадников очень высокого роста (их рост сравнивается с длиной копья) с собаками, не уступавшими по величине коровам. Увидев киргиза, они сжалились над ним, предложили ему спуститься с дерева и посадили его к себе на одного из коней, чтобы его не растерзали собаки; потом привели его к себе в палатку и накормили, при чем удивлялись его малому росту, как будто никогда не видали таких людей; наконец, они показали ему дорогу, как ему вернуться к себе домой; никто не знал, кто они и из какого народа. По поводу этого рассказа можно напомнить, что Енисей имеет характер горной реки до Минусинска и снова от границы Ачинского уезда до Красноярска.

Не прошло и ста лет после поражения уйгуров и начала киргизского великодержавия, как этому великодержавию пришел конец В начале X в. первенство в восточной части Средней Азии перешло к кытаям, народу монгольского происхождения, уже в течение нескольких веков принимавшему участие в событиях политической жизни; уже в VII в. кытаи входили в состав коалиции, составившейся против восстановленного каганства турок-огузов, и должны были напасть на общего врага с востока. Теперь предводитель кытаев (его имя в китайской транскрипции—А-бао-чжи, или *Apaoki*) овладел частью северного Китая, в 917 г. принял китайский императорский титул и основал новую династию Ляо. Кытаи никогда не владели всей «Срединной империей», а только северной ее частью; тем не менее их имя, в разных переделках, употреблялось многими народами, от Монголии до Индии и до Западной Европы для обозначения древней культурной державы Дальнего Востока; отсюда же русское „Китай".

Основатель династии Ляо не только завоевал некоторые культурные области Китая, но в 924 г. совершил поход в Монголию, посетил развалины прежней уйгурской столицы на Орхоне, осмотрел камни с надписями бывших каганов и сам поставил новый памятник (не сохранившийся) Очевидно, этому должна была предшествовать победа над киргизами, хотя прямых известий о такой победе в источниках, до сих пор приведенных в известность, повидимому, нет. Стремление восстановить в Монголии порядки, бывшие до киргизского великодержавия, видно в предложении, сделанном уйгурскому владетелю города Гань-чжоу—вернуться в прежние уйгурские

владения на Орхоне. Уйгурский владетель будто бы ответил, что со времени ухода уйгуров из Монголии прошло десять поколений, что было бы сильно преувеличено; в действительности со времени победы киргиз над уйгурами прошло только 80 лет, т. е. меньше трех поколений; но и этого срока было достаточно, чтобы уйгуры успели привыкнуть на своей новой родине к земледельческой и городской жизни и не пожелали вернуться в кочевья Монголии.

В книге Радлова сказано, что киргизский хан вернулся в свою прежнюю ставку на Енисее только в 970 г.; это известие, через посредство Риттера, заимствовано у Клапрота (где явная опечатка или описка: 670); Шотт в своих источниках этой даты, повидимому, не нашел, и неизвестно, откуда взял ее Клапрот. Рассказ о походе кытаев на Орхон в 924 г. заставляет сомневаться в том, чтобы киргизы могли держаться в Монголии или хотя бы в части ее до 970 г.

Киргизы были последним турецким народом, господствовавшим в Монголии; после их поражения Монголия приобрела тот этнографический характер, который она сохранила до сих пор Сделанное уйгурам предложение показывает, что у кытаев не было сознательного стремления вытеснить из Монголии турок и отдать их земли своим родичам—монголам; но после отказа уйгуров другого турецкого народа, который мог бы поселиться в Монголии, больше не было, и отсутствием турок воспользовались народы монгольского происхождения. Очень вероятно, что монголами были и восточные соседи киргиз, народ Фури (или Кури); на это указывают слова рукописи Туманского, что язык „Фури“ был для других киргиз непонятен. Некоторые сведения о народах, говоривших не по-турецки, сообщает и Махмуд кашгарский; к сожалению, эти сведения не вполне отчетливы, и признаков личного знакомства со странами отдаленного северо-востока в них не заметно. Махмуд кашгарский справедливо причисляет киргиз к народам, говорившим на чисто турецких наречиях, но помещает их на крайнем северо-востоке; не-турецкие народы, Кайи и татары, жили, по его словам, западнее; в то же время, однако. говорится, что татары жили в местности Утугэн, как называлась горная цепь, постоянно упоминаемая в орхонских надписях (по представлению автора надписей, это была настоящая родина турок) и, повидимому, соответствующая Хангаю. Что в XI в. здесь жили татары (так еще при Чингиз-хане и после всегда называли нынешних монголов), яснее всего свидетельствует о происшедших со времени орхонских надписей переменах в составе населения. Более точные данные о распределении народов мы имеем только для конца XII и начала XIII вв., т. е. для эпохи выступления Чингиз-Хана. В это время даже в верховьях Енисея, непосредственно к югу от киргиз, жил народ монгольского происхождения, ойраты, язык которых только диалектически отличался от языка монголов Чингиз-хана. Есть китайское известие, что от «Ойра до Кэргисы», т. е., вероятно, от центра области ойратов до южной границы области киргиз, считалось пять переездов. Насколько здесь смешивались оба языка, турецкий и монгольский, видно из слов Рашид-ад-дина, что составлявшие верховья Енисея речки назывались Секиз мурен «восемь рек»; к монгольскому слову „мурен“ (река) приставлено турецкое числительное. Теперь в этой местности, как известно, живут турки, хотя и находящиеся под сильным монгольским влиянием; среди названий речек и на совре-

менной карте есть монгольские; одно из них, Ебе-усу, приводится уже у Рашид-ад-дина.

Несмотря на кратковременность киргизского господства в Монголии, память о киргизах сохранилась у монголов до сих пор, может быть именно потому, что киргизы были последним народом, жившим и господствовавшим в Монголии до занятия этой страны монголами. «Киргизскими» называются древние могилы на всем пространстве западной Монголии почти до Орхона, в том числе и те, которые в действительности принадлежат не киргизам, а их предшественникам—уйгурам и другим. Рамстедт упоминает о таких „киргизских" могилах между Селенгой и Орхоном, близ памятника с надписью, где говорится о царствовании одного из уйгурских каганов VIII века.

ГЛАВА IV.

Енисейские киргизы после X века.

После утраты своего кратковременного могущества киргизы в течение более пяти веков упоминаются только на своей первоначальной родине—на Енисее, к северу от Саянского хребта. За исключением известий о событиях, связанных с образованием империи Чингиз-хана, нет почти никаких данных о том, каковы были в то время отношения киргиз к другим народам.

Возможно, что ослаблением киргиз воспользовались их старые враги уйгуры, продолжавшие владеть областью с городами Караходжа и Бишбалык. Между 981 и 984 г.г. у них был китайский посол Ван-Янь-дэ (не от кытаев, но из южного Китая, где правила национальная династия Сун); среди подчиненных в то время уйгурам народов он вместе с Ягма и карлуками называет также киргиз. Пельо отмечает факт, что те же три народа названы вместе у Ауфи, где, однако, сказано только, что Ягма и карлуки живут к западу от киргиз; тут же говорится о кимаках, как о северных соседях киргиз, из чего видно, что Ауфи находился под влиянием книжных известий о более ранних временах. Говорится ли у Ван-Янь-дэ о подчинении уйгурам енисейских киргиз, из приведенного Пельо текста не видно; более вероятно, что речь идет о ликвидации тех успехов киргиз в Восточном Туркестане, о которых мы знаем из рукописи Туманского.

В следующий раз киргизы упоминаются в рассказе персидского историка Джувейни (XIII в.) о движении на запад части кытаев после завоевания их государства народом манджурского происхождения, джурдженями, уничтожившими в северном Китае династию Ляо (916—1125) и основавшими новую династию Цзинь (1125—1234) Ушедшим на запад кытаям удалось основать обширную империю, которую китайцы называют империей «западных Ляо»; в мусульманских источниках владетели этой империи, начиная с основателя ее, носят титул „гурхан". Известия о движении кытаев на запад и о их завоеваниях в западной части Средней Азии приводятся во многих сочинениях, китайских и мусульманских, но о столкновениях между кытаями или, как их называли мусульмане, кара-хытаями и киргизами говорит только Джувейни.

По рассказу Джувейни, гурхан выступил из своей страны по одному известию с отрядом всего в 80 человек, по другому—с многочисленным войском. Когда кара-хытаи подошли к пределам киргиз, они стали производить набеги на жившие в этих пределах племена; те ответили им такими же нападениями; кара-хытаи были вынуждены уйти еще дальше на запад и пришли в Эмиль, т. е. в округ

современного Чугучака, где ими был построен город, от которого при Джувейни оставались только развалины. В этой местности к ним присоединилось много турок и других народов; число их дошло до 40000 домов; все-таки они в Эмиле не могли остаться и были вынуждены двинуться дальше. Они пришли в мусульманский город Баласагун (на реке Чу), где оказали поддержку местному хану против враждебных ему кочевников, но потом лишили престола его самого и овладели городом. Баласагун сделался центром обширной империи кара-хытаев, границы которой определены в тексте Джувейни не вполне ясно; произношение приведенных там географических названий не может быть точно установлено; возможно, что северным пределом империи гурханов названы местности по реке Кем, о которой речь будет ниже. После Баласагуна кара-хытаи взяли Кашгар и Хотан, потом отправили войско против киргиз, чтобы отомстить им за их прежние действия, и взяли Бишбалык, потом было отправлено войско на Фергану и Мавераннахр. т. е Туркестан. В рассказе Джувейни нет хронологических дат; дата некоторых из упоминаемых им событий может быть установлена по другим источникам. Точнее всего известно время первого похода кара-хытаев на Фергану и прилегающие к ней земли; речь идет о победе, одержанной ими над войском самаркандского хана при Ходженте в рамазане 531 г. хиджры (май—июнь 1137 г.). Поход на киргиз произошел, следовательно, незадолго до этого времени. Движение кытаев на запад началось, по китайским источникам, еще до окончательного падения их государства, после взятия джурдженями Пекина (1120). Во главе эмигрантов был член династии, которого китайцы называют Да-ши; это имя иногда прибавляется к фамильному имени императоров династии Ляо—Е-люй, и потому основатель империи западных Ляо носит в китайских источниках имя Е-люй-да-ши. После падения Пекина Да-ши был взят в плен с оружием в руках, но потом был проводником джурдженей во время дальнейших военных действий и за это был прощен. Это произошло в 1121 г.; вскоре после этого Да-ши бежал в неизвестном направлении; в 1124 г. до джурдженей дошло известие, что он был провозглашен царем где-то в северных странах и что его царство состоит из двух частей, северной и южной. В 1129 г. из восточной Монголии были получены более подробные сведения об успехах Да-ши в северных странах; в 1130 г. уйгуры из Кара-ходжи захватили в плен одного из приверженцев Да-ши и выдали его джурдженям; в 1144 г. те же уйгуры привезли дань джурдженям и сообщили, что Да-ши больше нет в живых, но что его народ живет недалеко от них, уйгуров.

Эти известия, извлеченные синологом Бретшнейдером из истории династии Цзинь (Цзинь-ши), находят себе некоторые подтверждения как в истории династии Ляо (Ляо-ши), так и в мусульманских источниках. Последние относят смерть первого гурхана к рамазану 537 г. (январь—февраль 1143). Провозглашение Е-люй-да-ши императором произошло, как доказывает Маркварт, 21-го февраля 1124 г. Из рассказа Джувейни можно заключить, что такое усиление кара-хытаев произошло в Эмиле, уже после столкновения с киргизами, которое, следовательно, имело место после 1121 и до 1124 г. Что касается похода, предпринятого, по словам Джувейни, для отомщения киргизам, то он, вероятно, был связан с теми действиями уйгуров, о которых говорится в Цзинь-ши, особенно с событием 1130 года

Джувейни в связи с рассказом о походе на киргиз говорит только о взятии кара-хытаями Бишбалыка, уйгурского, а не киргизского города. Очевидно, киргизы принимали какое-то участие в событиях, происходивших в области уйгуров, но в чем заключалось это участие, из слов Джувейни не видно. Нет также достоверных сведений о том, чтобы власть династии западных Ляо или их соперников, династии Цзинь, когда либо распространялась на область киргиз, т. е. на бассейн Енисея. Уйгуры в XII в. подчинялись то династии Ляо, то династии Цзинь; подчинение их Чингиз-хану в 1209 г. было связано с восстанием против гурхана и убиением его представителя; между тем, в рассказе о подчинении Чингиз-хану киргиз нет ни слова о каких-либо отношениях этого народа к кара-хытаям или джурдженям.

Сведения о состоянии страны киргизов в конце XII и в начале XIII в. мы находим у Рашид-ад-дина (известно, что эта часть сочинения Рашид-ад-дина издана и переведена Березиным) и в китайской „Истории династии Юань" (Юань-ши), как называлась у китайцев династия, основанная монголами; сведения Юань-ши приводятся многими синологами, особенно Шоттом, Бретшнейдером, Палладием и другими. По Рашид-ад-дину были две области, Кыркыз и Кем-Кемджиют, составлявшие одно царство. Рашид-ад-дин не говорит, какую часть страны киргиз составляла страна Кем-Кемджиют; в Юань-ши об этом даются противоречивые сведения; область Кянь-чжоу помещается к юго-востоку от страны киргиз и в тоже время к западу от реки Кем, т. е. от Енисея. В рассказе Рашид-ад-дина о монгольском походе 1218 г. название Кем-Кемджиют носит река в стране киргиз, в то время покрытая льдом. В 1223 г. китайский отшельник Чан-чунь, находясь в местности у Алтая, слышал там, что страна Кянь-кянь-чжоу находится оттуда на северо-запад, за 1000 слишком ли (около 500 верст) Во всяком случае страна Кем-Кемджиют составляла южную часть киргизской области и скорее юго-западную, чем юго-восточную.

По Рашид-ад-дину границей владений киргизов были Ангара и Селенга на северо-востоке и востоке, владения найманов (самого сильного народа западной Монголии) на юге, от Селенги до Иртыша, владения народов Кури, Баргут, Тумет и Байлук в местности около Байкала, в стране Баргуджин-Тукум, название которой сохранилось в названии местности и речки Баргузин.

В Юань-ши, кроме Кянь-чжоу и Ангары, упоминаются в связи со страной киргизов еще три области: У-сы, Хань-хэ-на и Йи-лань-чжоу (слово *чжоу* имеет в китайском языке нарицательное значение: округ). Область У-сы находилась к востоку от киргизов и северу от реки Кянь (Кем, Енисей) и получила название от другой реки; вероятно, имеется в виду река Ус. Еще восточнее находилась область Хань-хэ-на, где вытекала река Кем и откуда выходили через два горных прохода; в зимнее время здесь употреблялись лыжи. Об области Йи-лань-чжоу только говорится, что она получила название по большой змее (по турецки йилан или илан—змея); местоположение этой области ближе не определяется.

В Юань-ши уже упоминается легенда о происхождении киргиз от сорока дев, основанная на производстве названия киргиз от слов кырк (сорок) и кыз (девица). Киргизы описываются в Юань-ши, как народ очень малочисленный; их было будто-бы всего 9.000 семейств, что едва ли может соответствовать действительности. По степени

культурного развития страна, повидимому, стояла выше, чем в эпоху киргизского великодержавия, из чего можно заключить, что сношения с культурными народами за этот период не прекратились. По словам Рашид-ад-дина, в стране киргиз было много кочевников, но также много городов и деревень По Юань-ши киргизы не были искусными земледельцами, но посевы пшеницы у них были. Чан-чунь говорит о стране Кянь-кянь-чжоу, что там „добывается доброе железо и водится много белок; там также сеют пшеницу; китайские ремесленники живут во множестве, занимаясь тканьем шелковых материй, флера, парчи и цветных материй". Любопытно последнее известие: из него видно, что ткани, некогда привозившиеся в страну киргиз, теперь выделывались в самой стране, хотя и не руками туземцев. Монголы еще при Чингиз-хане содействовали насаждению в этих местностях земледельческой культуры; Чан-чунь еще в 1221 г. слышал у Алтая, что к северу от этих гор есть город, построенный, по поручению монголов, уйгуром-христианином Чингаем, и в нем хлебные амбары. Вероятно, Монголия в то время, когда хлеб вследствие военных событий не мог привозиться из Китая, нуждалась в подвозе хлеба из плодородного Минусинского района.

События конца XII и начала XIII в.в., связанные с возвышением Чингиз-хана и борьбой между ним и его соперниками, отразились и на судьбе киргиз. В 1199 г. (год барана) найманы, разбитые Чингиз-ханом и его тогдашним союзником Ван-ханом кераитским (кераиты были также монгольским народом, восточными соседями найманов), бежали в страну Кем-кемджиют. Окончательная победа Чингиз-хана над найманами (кераиты были разбиты им раньше и бежали на юг) и провозглашение Чингиз-хана главой всей Монголии произошло в 1206 году. Главная масса найманов и их союзников меркитов бежала на запад, за Иртыш, но есть известие (в Юань-ши), что предводитель меркитов Тунта-бики весной (вероятно 1207 г.) дошел до реки Кем, по ней (вероятно, река еще была покрыта льдом) шел несколько дней до страны киргизов (Килигисы) и „овладел всеми пятью родами их". Вопреки этим словам, меркиты, повидимому, только прошли через страну киргиз, но не остались там; Чингиз-хан в том же 1207 году (год зайца) отправил к киргизам послов с требованием покорности. Каганов у киргиз в то время уже не было; киргизские владетели носили титул «инал»; у некоторых турецких народов так назывался наследник престола; во всяком случае титул „инал" был ниже титула „каган". Слова Рашид-ад-дина в этом случае не вполне ясны (в тексте есть пропуск); повидимому, было два киргизских «инала», Еди инал и Урус-инал. Чингиз-хан отправил послов к обоим; оба выразили покорность и вместе отправили ответное посольство; киргизских послов по одному рассказу было два, по другому—три; с ними был кречет с белыми глазами (повидимому, только один от обоих иналов). По Юань-ши в стране киргиз были черные и белые кречеты.

Таким образом, киргизы сперва покорились монголам без военных действий; но в 1218 г. (год барса) между ними все-таки произошла война. Против монголов в это время восстали жившие у Байкала народности, туметы и байлуки; так как они были соседями киргиз, то Чингиз-хан потребовал от киргиз войска для подавления восстания; киргизы не только не исполнили этого требования, но сами возмутились против монголов. Против киргиз было отправлено

войско под начальством старшего сына Чингиз-хана, Джучи-хана. Начальник монгольского авангарда, Бука, прогнал киргиз и вернулся обратно через восьмую реку (очевидно, имеется в виду одна из восьми речек области ойратов); потом пришел сам Джучи, перешел через покрытую льдом реку Кем-кемджиют (Енисей), покорил киргиз и вернулся обратно.

Другой рассказ о покорении киргиз монголами находится в монгольском богатырском эпосе XIII века, известном под названием «Сокровенная история монголов» (по-китайски Юань-чао-ми-ши; русский перевод сделан Палладием). Этот источник относит поход Джучи к 1207 году и связывает выражение киргизами покорности с этим походом. По этому рассказу, Джучи прошел через страну ойратов и покорил их; когда он пришел в страну киргиз, «правитель их, Еди-инал, тоже покорился и явился к Джучи с белым соколом, белым мерином и черными соболями. Покорив другие лесные народы, Джучи вернулся к отцу, взяв с собою киргизских темников (начальников отрядов в десять тысяч человек) и тысячников, равно князьков лесных народов; также сокола, мерина и соболей».

Память о Джучи-хане сохранилась и у тянь-шаньских киргиз; предание о Джучи является, может быть, единственным следом пребывания их некогда на Енисее, о котором они сами не сохранили никаких воспоминаний. По легенде, слышанной Радловым, у киргиз не было хана; поэтому они попросили великого хана (т. е. Чингиз-хана) дать им в ханы своего сына Джучи; Джучи был маленьким мальчиком, попал по дороге в стадо куланов (диких ослов) и был уведен ими. «Аксак (хромой)—кулан Джучи-хан» был первым и последним ханом киргиз. Упоминание в связи с именем Джучи является, может быть, отголоском давно забытых турецких стихов, в которых будто бы выражал свое горе Чингиз-хан после смерти своего сына Джучи: „Подобно кулану, потерявшему своего детеныша (во время преследования охотниками), я разлучен со своим детенышем; подобно рассеявшейся стае уток, я разлучен со своим мужественным сыном».

Насколько известно, киргизы не принимали никакого участия в монгольских завоеваниях и не вошли в состав государства потомков Джучи, заключавшего в себе западную часть монгольской империи. Вместе с Монголией и Китаем, страна киргиз входила в состав удела младшего сына Чингиз-хана, Тулуя, который должен был наследовать коренной «юрт» своего отца, тогда как в завоеванных на западе землях еще при жизни Чингиз-хана распоряжались его три старших сына. Тулуй умер в 1233 г.; после него верховная власть в его уделе находилась в руках его вдовы Сюрхуктани (кераитской царевны, христианки), умершей в 1252 г. Неизвестно, из какого источника заимствован явно легендарный в подробностях, но, может быть, восходящий к действительному происшествию рассказ писавшего в XVII в. хивинского хана Абулгази, по которому Сюрхуктани послала трех беков с отрядом в тысячу человек на судах в ту страну, где Ангара, после присоединения к ней многих больших рек, впадала в море (очевидно, речь идет об устье Енисея, рассматривавшегося как приток Ангары). Там был большой город Алакчин, со многими селениями, были и кочевники, у которых были лошади, отличавшиеся высоким ростом, но исключительно пегой масти (*ала*). Близ города были серебряные рудники, и вся посуда и утварь

были из серебра. Бекам было поручено, если окажется возможным, разграбить Алакчин, если нет, принести о нем известия. После некоторого времени вернулось всего 300 человек; они сообщили, что все, что рассказывали об Алакчине, правда; они захватили там много серебра, но потом бросили свои суда, так как вести их вверх по течению оказалось невозможным; большая потеря в людях была об'яснена дурным и знойным (!) климатом.

Слово «ала», в применении к лошадям, соответствует, конечно, китайскому бо-ма. Оба слова вместе упоминаются у китайского компилятора XIV в. Ма-дуань-лин'а, но о монгольском военном предприятии против этого царства Ма-дуань-лин не говорит. Если монголы, действительно, доходили до устья Енисея, то этот поход мог быть совершен только с помощью и при участии киргиз.

Киргизы упоминаются еще в рассказе Джувейни о смутах, связанных со вступлением на престол, в 1251 г., старшего сына Тулуя, Мункэ-хана; говорится об отправлении военных отрядов в разные стороны, между прочим отряда в 20000 человек, под начальством Муги-пойона, в области Киргиз и Кем-кемджиют. Преемником Мункэ был его брат Хубилай, впервые прочно утвердивший господство монголов на всем пространстве Китая. По Юань-ши Хубилай в 1270 г. назначил наместником страны киргизов китайца Лю-хаоли, который жил в Йи-лань-чжоу и способствовал поднятию местной культуры посредством привлечения ремесленников из Китая; таким образом, при монголах получила дальнейшее развитие та китайская промышленность в стране киргиз, о которой, как мы видели, слышал уже Чан чунь в 1223 году. О правлении Хубилая говорится еще, что он в 1293 г., т. е. за год до своей смерти, перевел часть киргиз в область На-янь, в Манджурии.

Более интереса представляли бы известия, если бы таковые были, о переселении киргиз в эпоху монгольской империи на юго-запад, по направлению к той стране, где они живут теперь, но на это нет никаких указаний. Риттер и по его примеру Радлов утверждали, что уже китаец Чань-дэ, проезжавший через Среднюю Азию в 1259 году, говорит о киргизах в горах Тянь-шань; но такого известия у Чань-дэ нет. Чань-дэ до приезда в страну кара кытаев (т. е. к берегам Чу) проезжал через область Ма-а, где зимой лошадей запрягали в сани, и по этому поводу замечает: «Рассказывают, что киргизы, вместо лошадей, употребляют для этой цели собак». Из этого видно, что Чань-дэ только слышал о киргизах, как о каком-то народе далекого севера, но сам их не видел и через их страну не проезжал.

Из европейских путешественников XIII в. о народе „кергис" упоминает Плано Карпини (1246), но, повидимому, это название относится не к киргизам, а к черкесам; о действиях против „кергисов" говорится в рассказе о действиях в южной России и на границе с мусульманскими областями. Более определенно относятся к киргизам слова другого путешественника, Рубрука (1253—4) о народе и стране „Керкис". Эта страна причисляется к странам, которые „лежат к северу и полны лесов"; в другом месте среди народов севера, где „нет ни одного города", упоминается „народ, разводящий скот, по имени керкисы"; там же названы бегающие на лыжах—«оренгаи», т. е. урянхайцы, упоминаемые у Рашид-ад-дина

вместе с восточными соседями киргиз, народами Кури, Баргут и Тумет. Очевидно, до Рубрука доходили преувеличенные слухи о дикости киргиз; во всяком случае, приведенные у него известия могут быть отнесены только к енисейским киргизам; никаких указаний на то, чтобы киргизы в этот период жили и в более южных местностях, мы у него не находим.

Несмотря на известия об успехе среди киргиз китайской материальной культуры, нет никаких сведений о том, чтобы к киргизам проникла та религиозная пропаганда, которая в эпоху монгольской империи и еще раньше имела большой успех в Монголии и Китае. Еще до выступления Чингиз-хана среди главных народов Монголии— найманов, кераитов и меркитов — распространилось христианство; в то же время брат меркитской жены Чингиз-хана носил мусульманское имя Джемаль-ходжа, т. е., по всей вероятности, был мусульманином. Несмотря на соседство киргиз с этими народами, нет никаких известий о том, чтобы христианская или мусульманская пропаганда проникла и к ним.

Авторы XIV и XV в.в., повидимому, совершенно не упоминают о киргизах; мне удалось встретить только случайное упоминание о киргизах в анонимном историческом сочинении XV в., упоминаемом в моем исследовании об Улугбеке под названием «аноним Искендера». Говорится об одном из ханов восточной ветви потомков Джучи, правивших на низовьях Сыр Дарьи (в XIV в.); изгнанный из своего ханства, он блуждал 2½ года в стране киргиз и в Алтае. Упоминание рядом со страной киргиз об Алтае заставляет полагать, что речь идет о енисейских киргизах.

Только в XVI в. впервые упоминаются киргизы в той местности, где они живут теперь, причем, как мы увидим, нет никаких сведений о том, как и когда они туда пришли.

ГЛАВА V.

Тянь-шаньские киргизы в XVI и XVII веках.

Сведения о киргизах в горах Тянь-шань были собраны мною в „Очерке истории Семиречья", напечатанном еще в 1898 г. в „Памятной книжке Семиреченской области". Главный источник—составленный в 1540-х годах труд мирзы Хайдера „Тарихи Рашиди" (на персидском языке; вторая часть написана раньше первой, в 1541—44 гг.); о последующем времени больше всего говорится в сочинениях по истории Кашгарии, из которых главное—труд Махмуд-Чураса, также на персидском языке, составленный при хане Исмаиле (1670—1682). Во время составления „Очерка истории Семиречья" этот труд мне еще не был известен.

Семиречьем (Джеты-су) первоначально называлась только область к северу от Или; на горную область к югу от Или это название было распространено только при русских. О судьбе этой горной области и ее населения в эпоху монгольского владычества нет почти никаких известий; она вошла в состав государства, образованного монголами в Средней Азии, в котором в начале XIV века окончательно утвердилось господство потомков второго сына Чингиз-хана, Чагатая; название «чагатай» было перенесено и на самое государство, на составлявших его военную силу кочевников и на получивший высшее развитие в том же государстве, уже после утраты власти чагатайскими ханами, среднеазиатско-турецкий литературный язык. В той же горной стране, на Иссык-Куле, была зимняя ставка одного из чагатайских ханов, Эсэнь-буки, правившего, по всей вероятности, с 1309 по 1318 г.; эта ставка, как и летняя ставка того же хана, была разграблена войсками великого хана (из потомков Тулуя) владевшего Китаем и Монголией. В 1340-х годах чагатайская держава разделилась на два отдельных государства, западное (заключавшее в себе старые культурные области Туркестана, с Бухарой, Самаркандом и другими городами) и восточное. Название «чагатай» было сохранено за западным государством и его населением, хотя ханы из потомков Чагатая, действительные или мнимые, правили в восточном; в западном с XIV до начала XVI-го века правили Тимур и его потомки, потом власть перешла к пришедшим с запада узбекам. Население восточного государства называло себя монголами, или по средне-азиатскому произношению, моголами, свою страну —Моголистаном. Южную окраину Моголистана составляли культурные области Китайского Туркестана от восточной границы Ферганы до Турфана, северную—степи к востоку от Балхаша. В некоторых местах Тарини Рашиди граница Моголистана отодвигается еще дальше на север, так как к рекам Моголистана причисляется даже Иртыш.

На юге культурные области Кашгарии не всегда включаются в Моголистан, и часто, как мы увидим, говорится о движениях из Кашгарии в Моголистан или обратно.

Часть Семиречья к югу от Иссык-куля, вместе с областями Китайского Туркестана от Ферганы до Кучи и Герчена, входила в состав области Мангалай-Субе, принадлежавшей отуреченному монгольскому племени Дуглат (это же название, в форме дуглат, носит теперь, как известно, одно из племен казаков); автор Тарини Рашиди, сам происходивший из владетельного дома дуглатов, уверяет, что его предок получил область Мангалай-Субе еще от Чагатая.

Дуглатские беки вместе с монгольскими ханами должны были вести упорную войну с Тимуром; о вторжениях Тимура до нас дошли довольно подробные рассказы, но ни в этих рассказах, ни в рассказах о походах Улугбека и других потомков Тимура нет упоминания о киргизах. В первый раз киргизы называются в рассказе о событиях, происходивших зимой 1503—4 г. В эту зиму в городе Аксу умер монгольский хан Ахмед; ему наследовал его сын Мансур; с Мансуром находился во вражде его брат Султан-Халиль и ушел от него в Моголистан, где присоединился к киргизам, считавшимися «дикими львами» того края; они сделали его своим главой. Туда же пришел потом другой брат, Султан-Саид, перед тем живший в Джетыкенте, у восточной границы Ферганы, по дороге к перевалу Ясы. В 1508 г. братья были разбиты Мансур-ханом; Султан-Халиль бежал в Фергану, в то время уже принадлежавшую узбекам; Султан-Саид после многих приключений в том же году достиг Кабула. В 1511 г., когда узбеки на короткое время были прогнаны из Самарканда и других областей персами и пользовавшимся их поддержкой потомком Тимура, Бабуром, Султан-Саид был послан Бабуром в Фергану, откуда потом завоевал Китайский Туркестан.

О киргизах говорится, что Мансур-хан увел их в Карашар и Турфан; киргизы были признаны виновниками всех происходивших в Моголистане смут и большею частью перебиты; только немногим удалось вернуться в Моголистан. Уход самого Мансур-хана в Карашар и Турфан произошел под давлением дуглатов; принадлежавший к дуглатам мирза Абу-Бекр в то время (1480—1514) правил в Кашгаре; в последние годы его правления начальник его военных сил, Мир-Вали, вытеснил монголов и киргиз из Моголистана и Аксу; киргизам потом было позволено кочевать на южной стороне Иссык-Куля. Очевидно, это относится к тем киргизам, которым удалось спастись бегством из Карашара и Турфана от Мансур-хана.

По мнению мирзы Хайдера, киргизы принадлежали к тому же народу, как монголы, и отделились от монголов только вследствие частых восстаний против монгольских ханов; кроме того, монголы приняли ислам, киргизы оставались язычниками, что также вызывало вражду между ними. Последнее известие не совсем точно; мы увидим, что стоявший некоторое время во главе киргиз предводитель, вышедший из среды самого народа, носил имя Мухаммед; но и по всем другим известиям киргизы в то время и еще долго спустя не считались мусульманами; очевидно, они по внешности на мусульман не походили. Из этого можно заключить, что их не коснулась рука таких ревностных распространителей ислама, какими были монгольские ханы

XV века, особенно умерший в 1416 г. Мухаммед-хан, заставлявший всех своих подданных носить чалму; непослушным вбивали в голову гвозди. Между тем в состав владений Мухаммед-хана входила и та местность, где впоследствии жили киргизы; ему приписывается постройка здания Таш-рабат на северном берегу озера Чатыр-куль.

Мирза Хайдер ничего не знал о прибытии киргиз и, очевидно, полагал, что в той стране, где он их знал, они жили издавна, по крайней мере со времени прибытия монголов. Несмотря на полное отсутствие сведений о киргизах в рассказе о походах Тимура, автор исследования об «этническом составе тюркских племен и народностей», Н. А. Аристов, был убежден, „что так как по Тарини Рашиди" народ этот в начале XVI века оказывается занимающим западный Тянь-Шань, видимо в качестве аборигенов, то не может быть сомнения, что и кара-киргизы (в XIV в.) находились на своих нынешних местах». Аристов идет еще дальше и старается доказать, что к „кыргызскому племени" принадлежали и прежние обитатели западного Тянь-Шаня, начиная от усуней, кочевавших, по его мнению, «в III столетии до Р. Х., между Танну-ола и восточным Тянь-шанем. Отсюда покоренные хуннами усуни, около половины II-го века до Р. Х., были двинуты в западный Тянь-шань». «Истинное народное имя» усуней, по мнению Аристова, „было всегда кыргыз".

Против этих мнений, помимо полного отсутствия известий о киргизах в западном Тянь-шане до XVI в., говорит факт, что эти киргизы и в XVI в. считались чуждыми исламу и мусульманской культуре. Из этого можно заключить, что их присутствие в западном Тянь-шане в XVI в. не находилось в связи с теми событиями эпохи киргизского великодержавия, когда влияние киргиз, действительно, распространилось до западного Тянь-шаня; повидимому, после утраты киргизами великодержавного могущества никаких киргиз на юго-западе не осталось. Столь же мало вероятно, чтобы киргизы были здесь в эпоху принятия ислама средне-азиатскими монголами. Более правдоподобно, что киргизы принимали участие в походах на запад их южных соседей, языческих ойратов или калмыков. Из Тарихи Рашиди и некоторых других источников видно, что вторжения калмыков в Моголистан начались в 1420-х годах и временно прекратились в 1470-х годах, когда калмыки очистили Моголистан и вернулись в свою страну; только Мансур-хан после своего оттеснения в Карашар и Турфан вновь должен был воевать с калмыками. Возможно, что в калмыцком движении приняли участие некоторые племена киргиз и что эти киргизы после ухода калмыков остались на западе, в Тянь-шане, хотя и об этом в источниках ничего не говорится.

В 1514 г. Султан-Саид-хану удалось завоевать Кашгар и уничтожить власть мирзы Абу-Бекра; в этой борьбе ему оказал большие услуги киргиз Мухаммед, который в награду за это получил от хана богатые подарки и был отправлен в Моголистан, где ему подчинились все киргизы. Мухаммед стал совершать набеги на Туркестан, Сайрам и Ташкент; во время похода на Туркестан им был взят в плен узбецкий царевич Абдулла, сын правившего в то время в Самарканде хана Кучкунчи, но отпущен; за это Султан-Саид-хан рассердился на Мухаммеда и осенью 1517 г. предпринял поход на киргиз; в другом месте того же Тарини Рашиди сказано, что хан,

как мусульманин, хотел наказать киргиз за разграбление мусульманских городов. При впадении в Иссык-Куль речки Барскаун Мухаммед был разбит, взят в плен и уведен в Кашгар, куда хан вернулся к началу зимы.

Несколько раньше те же узбецкие владения (Сайрам, Талас и окрестности Ташкента) подверглись нападению казацкого хана Касима, зимняя ставка которого находилась на Каратале. Из этого можно заключить, что киргизы на некоторое время, силой или путем соглашения (источники об этом не говорят), распространили свои кочевья на область казаков; могущественный Касим-хан в это время был еще жив (он умер в 1518 г.). В противоположность киргизам, казаки вышли из среды мусульман, узбеков, и пришли на берег Чу, отложившись от узбецкого хана Абулкайра (умер в 1468 г.) и прибегнув к покровительству монгольского хана Эсэнь-буки (1434—1462). Таким образом, между казаками и киргизами первоначально не было ничего общего, хотя потом эти два народа на короткое время имели общую политическую жизнь.

Султан-Саид-хан был склонен послать в Моголистан своего племянника Баба-султана, сына Султан-Халиля (во время убиения своего отца в 1508 г. этот царевич был еще младенцем); эту мысль внушал хану воспитатель царевича, ходжа Али-бахадур; но когда ходжа умер (несмотря на свое духовное звание, от чрезмерного употребления вина), вместо Баба-султана, в Моголистан был отправлен в 1522 г. сын самого хана, Рашид (собств. Абд-ар-Рашид). С ним вместе был послан отпущенный из плена и вновь поставленный во главе своего народа Мухаммед; ему удалось об единить под своею властью большую часть киргизского народа; но в 1524 г. в страну киргиз пришел казацкий хан Тахир (племянник Касима). Тахир сначала искал союза с Рашидом, был принят в его ставке на Кочкаре и выдал за него свою сестру, но потом между ними произошел разрыв, так как Тахиру удалось склонить на свою сторону часть киргиз. В сношениях с казаками был обвинен и Мухаммед и снова был уведен в Кашгар; после смерти Султан-Саид-хана (1533) он снова был отпущен из плена, но вернулся ли он к своему народу, неизвестно. Киргизы оставались подданными Тахир-хана, даже более верными, чем казаки, отложившиеся от своего хана за его жестокость. Часть киргиз, не успевшая присоединиться к Тахиру, была уведена монголами на Атбаш; в 1526 г. монголы покинули Тяньшань и увели с собой 100.000 киргизских баранов, вследствие чего этот поход был назван «бараньим» (кой-черики), как по той же причине в XIX в. было названо „бараньим" мурзарабатское дело 5 апреля 1866 г. (захват стад баранов русскими под начальством Романовского). Весной 1527 г. на Атбаш пришел Тахир и увел оттуда киргиз вместе с оставленными там монгольским ханом табунами.

Наследовавший своему отцу Рашид-хан (правил с 1533, по всей вероятности, до 1559 или 1560 г.) пытался восстановить господство монголов в горах к северу от Кашгара, но без прочного успеха. В 1537 или 1538 г. им был разбит казацкий хан Тугум, брат Тахира; вместе с Тугумом пало 37 казацких султанов; писавший всего через несколько лет после этого мирза Хайдер был убежден, что погиб без остатка весь казацкий народ. Рашид оставил в Моголистане своего сына Абд-ал-Латифа; но скоро после этого монголы были

разбиты Хакк-Назаром, сыном Касима, ханом казацким и киргизским; сам царевич Абд-ал-Латиф, по рассказу Махмуд-Чураса, был ранен, взят в плен и с почетом принят в ставке победителя, но скоро умер от раны. Счастье скоро снова перешло на сторону Рашид-хана; есть известия (у одного из кашгарских авторов), что Рашид-хан в союзе с Науруз-Ахмед-ханом ташкентским разбил Хакк-Назара у Артыша, при чем пал сам Хакк-Назар и с ним шесть «князей со знаменем», после чего казаками знамена больше не употреблялись. О последнем факте упоминает и узбекский автор (писавший в XVII в. в Балхе), по словам которого, во главе казаков было другое лицо (Буйдаш-хан, брат Тахира), и битва произошла в другом месте (на Иссык-куле); по этому рассказу победителями было захвачено девять знамен. Поход Рашид-хана на Иссык-куль и свидание его там с Науруз-Ахмедом ташкентским относятся, по другому источнику, к 951 г. хиджры (1544—5 н. э.); в других рассказах дат нет. Махмуд-Гурас рассказывает о гибели Хакк-Назара в войне с Рашид-ханом несколько иначе. По этому рассказу, хан перед своим походом посетил вместе со своим духовным руководителем Мухаммед-Шерифом несколько святынь, в особенности гробницу первого мусульманского хана Кашгарии, Сатук-Богра-хана; после этого он пошел на казаков и киргизов, шел три месяца и встретил врага только в Эмиле, там взял приступом укрепленный лагерь врагов, при чем были взяты в плен Хакк-Назар-хан и другие князья (тюри); все по приказанию хана были убиты (этот поступок Рашид-Хана дает повод к невыгодному для него сравнению с великодушием Хакк-Назара после поражения Абд-ал-Латифа). Рашид-хан три дня пробыл в Эмиле и привез оттуда семь знамен; после этого у казацких ханов знамен больше не было. О поражении и смерти Буйдаш-хана говорится в биографии ферганского святого Лутфуллы из Чуста (этот святой умер в 979 году хиджры, 1571—2 н. э.); по этому источнику Буйдаш погиб при нашествии на узбецкий Туркестан в 967 (1559—60) г.

Однако, ни казаки, ни киргизы не были на долгое время ослаблены этим поражением; бывший в Туркестане в 1558 г. англичанин Дженкинсон слышал, что казаки в то время снова угрожали Ташкенту, киргизы—Кашгару. Из этих слов можно заключить, что после смерти Хакк-Назара казаки и киргизы уже не составляли больше одного государства; вообще, насколько известно, эти два народа с тех пор никогда больше не об'единялись под властью одного хана.

Кроме Кашгарии, набегам киргиз подвергалась Фергана. В упомянутой биографии шейха Лутфуллы говорится, что киргизы во время одного из своих набегов на аксикетский округ захватили принадлежавших дервишам баранов, но потом вернули их с извинениями и прибавили, что питают к „божьим людям“ не меньше уважения, чем сами ферганские мусульмане. Подобно другим шейхам, шейх Лутфулла заботился о распространении ислама среди степняков; его ученик, казак Мухаммед, действовал не только среди казаков, но и среди киргизов. Такие проповедники из дервишей отправлялись в степь до новейшего времени; под их влиянием кочевники становились не столько мусульманами, в смысле принятия догматов и обрядов ислама, сколько личными почитателями шейхов, в которых они видели подвижников и чудотворцев.

Несмотря на временное об'единение под одной властью, киргизы и во второй половине XVI в. не признавались мусульманами

даже в такой степени, как казаки. К 1582 г. относится сочинение о Средней Азии османского турка Сейфи; по его словам, казаки были мусульманами канофитского толка, тогда как киргизы не были „ни кафирами, ни мусульманами". Подобно мирзе Хайдеру, Сейфи считал киргиз родственниками монголов. Киргизы жили в трудно доступной местности; в случае нападения врагов они отсылали свои семьи вглубь гор, а сами защищали проходы; камнем „яда" они вызывали такой снег и холод, что враги не могли владеть ни руками, ни ногами и терпели поражение. Трупы умерших клались в гробах на ветви высоких деревьев (это известие, вероятно, заимствовано из более ранних письменных известий о енисейских киргизах). У киргиз не было царей (ханов), а были только беки, которых называли *кашка* (титул, часто встречающийся у калмыков).

Даже писавший в XVII в. по-персидски узбекский историк Махмуд-ибн-Вели называет киргиз кафирами. Эти киргизы, в числе 12,000 семейств, в реджебе 1045 г. х. (с 11 дек. 1635 до 9 янв. 1636) прибыли через Каратегин в Гисар; во главе их было 12 предводителей (очевидно, по одному на 1000 семейств), которые в следующем месяце шабане (с 10 янв. по 7 февр.) были приняты узбецким ханом в Балхе; раньше они проводили дни в неверии, заблуждении и невежестве (очевидно, после прихода в страну узбеков они сделались мусульманами) С этим событием. вероятно, связано поселение киргиз в Каратегине, где некоторое число их живет и до сих пор. Есть предание, что Каратегин долгое время принадлежал киргизам и только недавно был вновь занят таджиками, хотя теперь киргизы составляют там незначительное меньшинство (по последним сведениям, их немногим более 8.000, тогда как таджиков 173,488, т. е. киргизов всего 4%).

Махмуд-Чурас говорит еще о нескольких столкновениях между киргизами и монголами в XVII в. Во время смут в Кашгарии после смерти Мухаммед-хана (около 1610 г.) отряд в 5000 киргиз, под начальством Тилеке-бия и Бай-Бута-Кара, совершил набег на Уч и Аксу; во время набега они разделились; у Тилеке было 2000 человек, у Бай-Бута-Кара 3000; Бай-Бута-Кара был разбит войском Тимур-султана (внука Мухаммед-хана) и потерял 2000 человек; остальные 1000 человек с колчанами на шее явились к султану с выражением покорности; Тилеке тоже пришел с подарками и извинениями; султан всех простил и отпустил. Это произошло очень скоро после смерти Мухаммед-хана, так как султан только от киргиз узнал о смерти своего деда. По другому источнику киргизы успели разграбить Уч и были настигнуты монголами у перевала Янги-Арт.

Новое столкновение между монголами и киргизами произошло в 1620-х годах, при хане Абд-ал-Лятифе, носившем прозвание Анак-хан (умер в 1037 г., т. е. 1627—8 г. н. э.). Киргизы разграбили деревню Шахназ; хан выслал отряд для их преследования, но они устроили этому отряду засаду и нанесли ему большой урон.

Во время междоусобий, происходивших в Кашгарии в начале 1630-х годов, говорится о помощи, оказанной киргизами одному из претендентов, Махмуд-султану, получившему потом прозвание Кылыч-хан.

Несколько раз упоминаются киргизы в истории продолжительного царствования Абдуллы-хана (1048—1080 х., т. е. от 1638—9 до

1669—70 н. э). В начале своего царствования хан совершил успешный поход на Ош; на обратном пути киргизы преследовали хана, но не настигли, за то нанесли большое поражение нескольким монгольским предводителям в месте Беш-Буйнак. Набег киргиз на Уч и Аксу удалось отбить. В следующем году хан совершил поход на киргиз, стоявших на Аксае; во главе их находились Койсары, сын Тилека, и Йол-булды; поход назывался аксайским (Аксай черики); вероятно, он не имел успеха, так как о результатах его ничего не говорится. После этого киргизы снова совершили набег и разбили монгольское войско, потом сами потерпели поражение, но продолжали угрожать хану, спасшемуся от них только благодаря храбрости своего брата Ибрахима. Дальше говорится о двух походах Абдуллы на Андижан, из которых первый имел успех, второй кончился неудачно; во втором принимали участие киргизы.

Когда хану удалось восстановить в своем государстве спокойствие, беспокойным элементом оставались только киргизы; по совету вельмож, хан решил истребить их (очевидно, говорится о киргизах, находившихся на ханской службе); было перебито до 10.000 человек; при этом говорится, что киргиз называли львами лесов Могулистана (это выражение заимствовано из Тарихи Рашиди), но в то же время они отличались вероломством. В рассказе о следующем походе хана на Адбаш и Аксай говорится только о калмыках; киргиз там, повидимому, уже не было. Несмотря на избиение киргиз, хан снова нашел нужным привлекать их к себе на службу, и они снова пользовались в Кашгаре и Аксу большим влиянием; если у них выходил спор с кем-нибудь, хотя бы по пустякам, хан позволял им убить такого человека и захватить его имущество. Во время борьбы между сыновьями хана, Нур-ад-дином и Йол-барсом (при жизни отца), при хане был киргиз Чумак-бек. Около 1680 г. хан отправился в Мекку; в это время большую часть его спутников составляли киргизы; 2000 киргиз были посланы им для преследования Йол-барса, враждовавшего с отцом и после его отъезда в течение года правившего в Кашгарии. Во время новых смут, в 1680-х годах, киргизы захватили Кашгар, на короткое время заняли и Яркенд, но потом были вынуждены его очистить. Их попытки вновь овладеть им кончились неудачно.

Вскоре после этого господство в Кашгарии и вообще в Средней Азии перешло к калмыкам (ойратам). В истории калмыков о столкновении с бурутами, как калмыки называли киргиз, говорится в рассказе о событиях осени 1683 г. Калмыки имели дело с киргизами также на Енисее, куда в начале XVII в. явились русские, вследствие чего мы снова получаем некоторые известия о енисейских киргизах, о судьбе которых в XIV, XV и XVI веках, насколько известно до сих пор, не говорит ни слова ни один исторический источник.

ГЛАВА VI.

Енисейские киргизы в XVII веке

Истории завоевания русскими Сибири, в том числе и страны енисейских киргиз, посвящено довольно значительное число изданий документов, извлеченных из центральных и сибирских архивов, и написанных по таким документам исследований. На Енисее интересы русских сталкивались с интересами ойратской державы, и потому изучение судьбы киргиз в XVII в. связано с изучением русско-ойратских отношений. Как видно из недавнего (1921) исследования профессора Котвича „Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII в. в.“, относящийся к этому вопросу материал еще далеко не весь приведен в известность. Одним из самых ранних и ценных исследований по истории завоевания Сибири является книга Герарда Фридриха Миллера «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел» (1750). Среди новейших исторических исследований есть специальный труд о енисейских киргизах—«Хакасы» проф. Н. Н. Козьмина (1925).

Енисейские киргизы в то время не составляли одного государства. По данным исследования Н. Козьмина, главных киргизских княжеств было четыре: Тубинское (по реке Тубе, в Красноярском уезде и по левую сторону Енисея до Абакана), Езерское (по левую сторону Енисея от Абакана к северу до Батеневского горного кряжа), Алтырское (к западу и к юго-западу от Езерского) и Алтысарское (к северу и северо-востоку от Езерского). По рассказу о посольстве Ивана Петлина в 1618 г., от Томска до киргизской земли было „десять ден ходу скорым обычаем“, от киргизской земли до Абакана шесть дней, от Абакана до Кемчика девять дней, от Кемчика до большого озера, т. е. до Убсы, три дня. До Петлина, в 1616 г., через киргизскую землю проезжали Василий Тюменец и Иван Петров. Главою всей киргизской земли считался князь Немек (у Петлина Немей), наследовавший власть от своего отца; под Немеком были «два князька лучших, Номча и Кора». За киргизской землею была «Табынская земля»; по словам Тюменца, это—«те же киргизские земли, только живут особе, а дань дают в киргизскую землю и Алтыну царю»; имеется в виду тогдашний владетель западной Монголии, Алтан-хан туметский. Иван Петлин от киргизской земли, т. е. от ставки Немека, шел только «половину дня» до границы владений Алтан-хана.

Из всего этого можно заключить, что из четырех княжеств, о которых говорится в книге Козьмина, тубинское рассматривалось отдельно от трех других и вело особую жизнь. Из слов Тюменца видно, что в культурном отношении тубинцы стояли ниже прочих киргиз; у них не было ни коров, ни овец, «только одни лошади да

олени». Верховным князем всей киргизской земли русские считали алтырского князя; Номча, раньше других, как мы увидим, вступивший в сношения с русскими, был князем алтысарским, следовательно Кора-езерским. Культурный уровень киргизского народа в целом также был в то время не высок, гораздо ниже, чем в XIII в. Говорится, что киргизы «едят рыбу и зверя бьют, а бой у киргиз лучной, лошадей и коров много, а хлеба не сеят». Упадок культуры, вероятно, об'ясняется упадком караванной торговли, процветавшей в эпоху монгольской империи.

Еще до основания Енисейска (1618) и Красноярска (1627) киргизы приезжали для переговоров с русскими в Томск, основанный в 1604 г. По одним известиям в 1606 г., по другим—в 1608 г. в Томск приезжали киргизские князья Номча и Кочебай со своими служилыми людьми; их привели к присяге и отпустили, оставив заложниками в Томске «Номчину жену да Кочебаева сына» (при чем жена Номчи интриговала против Кочебая). Номча получил поручение «итти к Алтыну царю и в Китайское государство», чего он потом не исполнил, а Кочебай должен был «приводить под царскую руку киргизских князей: Нояна, Комку да Обрая». Скоро произошел разрыв; новый томский воевода отнял у жены Номчи соболью шубу, вследствие чего Номча пришел в такое «огорчение», что сделался врагом русских и проявил свою вражду нападением на подчиненных России гулымских татар. Началась война с киргизами, только на короткое время прерывавшаяся договорами; по словам Г. Ф. Миллера, «киргизов, сколько в старания с российской стороны ни прилагалось, совершенно покорить не могли».

В 1614 г. упоминается киргизский набег на Томский уезд, в 1615 г.—первый, неудачный поход русских на киргизскую землю. Тем не менее Василий Тюменец и Иван Петров в 1616 г., Иван Петлин в 1618 г. были пропущены через киргизскую землю в Монголию беспрепятственно, причем князь Немек, по представлению Петлина, уже тогда был «под государевою царскою высокою рукою». Перед Тюменцем томские воеводы в том же 1616 г. отправили к киргизам купца Василия Ананьина с толмачем Лукою; Ананьин послал к Алтан-хану киргизского князя Кору. При возвращении Тюменца и Петрова тот же Кора отправил с ними своего посла, вместе с двумя послами Алтан-хана, посланными в Москву. Алтан-хан в то время отверг просьбу киргиз о помощи и принял на себя перед русскими обязательство усмирять беспокойных киргиз. Поэтому киргизы нашли нужным подчиниться; при возвращении из Китая посольства Петлина вместе с послами Алтан хана были отправлены и киргизские послы, прибывшие в 1619 г. в Тобольск и в 1620 г. в Москву; только в октябре 1620 г. их проводили обратно из Томска до «киргизского рубежа».

Вскоре после этого положение Алтан-хана укрепилось вследствие победы над ойратами; поэтому он прекратил переговоры с русскими и согласился принять киргиз в свое подданство; киргизы возобновили свои набеги на русские пределы. Переговоры между русскими воеводами и киргизами большею частью велись непосредственно; один раз русские прибегли к посредничеству бухарских купцов, заинтересованных в восстановлении мира ради безопасности торговли. Переговоры были прерваны киргизами вследствие вероломства

воевод; прибывший в Томск для переговоров киргизский князь Кора был там задержан и потом „изведен".

Положение снова изменилось в 1630-х годах, когда в войне между Алтан-ханом и ойратами счастье перешло на сторону последних. В 1634 г. Алтан-хан был вынужден перейти через Саянский хребет на Енисей и Абакан и вступить в русское подданство. По желанию русских, он сделал попытку употребить свое влияние на киргиз для примирения их с русскими; но прибывшей для этой цели лама не имел успеха (1635). Киргизы даже перешли на сторону ойратов, во главе которых стоял тогда Батур, принявший в 1635 г. титул хунтайчжи (у русских «контайша»). Ойратское подданство принял алтысарский князь Бехтеней, еще в 1633—4 г. подступавший к Кузнецку

В надежде на помощь ойратов киргизам пришлось разочароваться; Батур еще в 1641 и 1643 г. называл киргиз своими подданными, но не мог оказать им действительной помощи, когда оправившийся Алтан-хан снова обложил киргиз данью. В 1648 г. тот же князь Бехтеней принял русское подданство. В 1652 г. киргизская земля подверглась нашествию со стороны Алтан-хана и его сына Лочжана; на этот раз киргизы обратились с просьбой о помощи в Красноярск; русские оказали им поддержку только в переговорах, но и этого было достаточно, чтобы заставить Алтан-хана отступить. Лочжан, которому Алтан-хан еще при жизни уступил власть, думал возобновить войну с киргизами и русскими, сначала имел успех и хотел уже итти на Томск, когда весть о смерти Алтан-хана заставила его вернуться, чтобы не потерять своих собственных владений.

В 1660-х годах положение изменилось в пользу русских; политическое единство и могущество ойратов после смерти Батура (1653) на некоторое время ослабело; в 1666 г. сам хун-тайчжи Сенге согласился вступить в русское подданство; в том же году в Томск присылал просить о помощи Лочжан. Но в это время, в первый и последний раз в XVII в., среди киргиз появилась сильная личность, внук Номчи (сын Ишея) Иренак, который «свыше 20 лет (он умер в середине или во второй половине 1680-х годов) был грозою Красноярска, Ачинска, Кузнецка, Томска, Канска и даже Енисейска и Удинска» (Нижнеудинска). Самостоятельным главой своего народа или хотя бы части его он не был; сперва он считался подданным Лочжана, к которому русские обращались с требованием о выдаче Иренака; когда Лочжан был побежден и взят в плен ойратами, киргизы подчинились власти хун-тайчжи, сначала Сенге (убитого 1671 г.), потом его брата и преемника Галдана, при котором ойратское государство снова сделалось великой кочевой державой.

Ойратская держава — едва ли не единственная, имевшая дело в одно и то же время с киргизами енисейскими и тяньшаньскими. Насколько известно до сих пор, никакого сопоставления этих двух групп киргиз не было сделано ни самими ойратами, ни бывшими в их стране европейцами и русскими. Никаких сношений, тем более никаких соглашений между двумя группами киргиз, насколько известно, не было. Галдан, в 1680-х годах воевавший с тяньшаньскими киргизами, еще в 1670-х годах спасался от своих врагов в земле енисейских киргиз. Главная орда Галдана и его преемников находилась в долине реки Или, ближе к земле тянь-шаньских киргиз, чем к земле енисейских. С русскими Галдан старался жить в мире, просил томских и красноярских воевод не беспокоить киргиз и удер-

живал киргиз от набегов на русские поселения. Последнее ему не всегда удавалось; в 1673 и 1674 гг. киргизы даже могли совершить поход на русские владения при содействии ойратов. Иренак в 1678 и 1683 г. принимал у себя русские посольства; в 1684 г. он готовился к одновременному походу на Томск, Енисейск и Красноярск; но в это время вернулись из Москвы его послы, и поход не состоялся. Последний поход другого князя, Шандыка, часто упоминаемого в качестве союзника Иренака, относится к 1691—2 г. г.

В русских архивных делах сохранилось дело о приезде в Москву послов Иренака в 1684 г.; там-же находится «калмыцкое письмо» Иренака, в подлиннике и переводе. Есть и другие известия, что киргизы в сношениях с русскими пользовались языком и алфавитом ойратов, хотя сами ойраты часто прибегали к более понятному для русских татарскому языку, иногда даже к персидскому. Русский двор, по исследованию проф. Котвича, только в 1696 г. в первый раз в переписке с ойратами «воспользовался для ответа калмыцким языком вместо татарского». Письменности на своем языке у киргиз в то время, очевидно, не было.

Осенью 1703 г. до русских дошло известие, что «приехали 2500 калмыков в киргизскую землицу и киргиз к себе загнали всех и ныне в киргизской землице киргиз никого нет». Это известие было сначала встречено с недоверием, но потом подтвердилось. Вследствие этого не только ученые XIX в., как В. В. Радлов, но и ученые XVIII в., как Г. Ф. Миллер, полагали, что ушли все или почти все киргизы, и на их место, в связи с совершившимся тогда занятием края русскими, пришло новое население. По мнению Миллера, киргизы тогда, «совсем из Сибири убрались». Другие, в том числе проф. Козьмин, полагали и полагают, что была уведена только часть народа и даже из этой части многие потом вернулись, так что состав населения и теперь остался тот же, как был в XVII в. По мнению проф. Козьмина, нынешние жители бывшей киргизской земли—«минусинские татары», как их называли русские, или «хакасы», как они решили называть себя после революции, должны быть признаны «аутохтонами—конечно, в том относительном смысле, который может быть усвоен этому термину в свете современного знания».

Во всяком случае, прекратилось существование енисейских киргиз, как народа, и даже местные предания об'ясняют этот факт физическим исчезновением значительной части киргиз. Среди сагайского рода кыргыз, т. е., несомненно, среди потомков оставшейся на Енисее части киргизского народа, Радлов слышал легенду, по которой киргизами был истреблен посланный в их землю для сбора дани ойратами отряд в 300 человек вместе с его начальником. Когда от этого отряда в течение года не было никаких известий, хун-тайджи послал отряд в 1000 человек из казак-бурутов (бурутами ойраты называли киргиз; «казак бурутами», т. е. казак-киргизами ойраты и по их примеру русские назвали казаков); их предводитель, не добившись от киргиз, кто виновен в истреблении ойратского отряда, увел с собой к хун-тайджи весь народ; осталось только несколько человек, успевших заблаговременно скрыться. Другая легенда, также переданная Радловым, приписывает увод киргиз известному борцу за свободу калмыцкого народа Амурсане (1750-х г.), спасшемуся в 1757 г. в русские пределы и умершему в том же году от оспы в Тобольске;

конечно, эта легенда несогласна с действительностью. По словам Валиханова, в Омске, в архиве областного правления сибирских киргиз, есть документ, где говорится о прибытии в Усть-Каменогорск летом 1746 г. 12 человек «киргиз-калмыков» с женами и детьми; по их словам, киргиз, в числе 3000 дымов по мнению Козьмина 2500; в документе: «полутысячи с три») увели «тому назад лет 50 или более» три калмыцких зайсана, Духар, Сандык и Чинбинь, (по другому показанию: Зукар, Сандык и Бенбень; по документу, на который ссылается Козьмин: Чинбиль) воглаве отряда в 500 человек, увели «насильно, но без бою». Местное население приписывает киргизам могилы на Абакане, при чем существует легенда, что здесь воинственные киргизы сражались со своими врагами и хоронили убитых в сражениях. При исследовании могил Радлов убедился, что эта легенда не передает действительности; в могилах иногда находили скелеты женщин и детей, что было-бы невозможно, если бы могилы были вырыты на поле битвы для погребения павших воинов; нет и никаких других указаний на боевую обстановку. Один из новейших исследователей, ученик Радлова С. Д. Майнагашев (впоследствии павший жертвой гражданской войны), нашел род кыргыз среди качинцев на нижнем течении Абакана и приводит стихи, свидетельствующие, по его мнению, о прежнем значительном распространении киргизского племени: «В сорока славных котловинах есть ли котловина, где бы не лежали кости киргиза? В сорока березах, растущих на хребте, есть ли береза, которой бы не коснулся топор киргиза?». В этих стихах ясно чувствуется, что они внушены печалью о гибели когда то сильного народа.

ГЛАВА VII.

Тянь-шаньские киргизы в XVIII и XIX веках.

Нет точных сведений о том, где потом жили уведенные ойратами с Енисея киргизы. По словам «киргиз-калмыков», прибывших в 1746 г. в Устькаменогорск, их «послали в Ургу», где они платили дань царствовавшему в то время (1727—1745) хун-тайчжи Галдан-Церену. Под «Ургой» понимали ставку хун-тайчжи около Или. Уведенные с Енисея киргизы, таким образом, находились довольно близко от своих тянь-шаньских родственников, но нет известий, чтобы те об этом знали и чтобы вообще какие-нибудь киргизы пришли в то время с Енисея в горы Тянь-Шань.

Много известий об ойратской державе и об отношениях между ней и киргизами собрано в рассказе кап. Унковского о его посольстве к ойратам в 1722—24 г. г. и в предисловии, примечаниях и приложениях издателя этого рассказа, проф. Н. И. Веселовского (СПБ. 1887; Зап. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографии, т. X,. вып. 2), также в приложенном издателем к своей книге письме проф. Позднеева. Пользование этим и другим материалом несколько затрудняется начинающейся в XVIII в. неясностью терминологии; киргизами, кроме того народа, которому это название принадлежало в действительности, стали называть и казаков. Судя по ссылке Миллера, эта ошибка в русской литературе впервые была сделана в С.-Петербургских Ведомостях за 1734 г.; но уже в сообщении о переговорах ойратского посла Борокургана с канцлером графом Головкиным в сентябре 1721 г. в переводе ответов посла встречается термин киргиз-казаки. В рассказе Унковского о своем посольстве несколько раз говорится о „казаках“ и «казачьей орде», без прибавления слова «киргиз»; но в то же время казаки иногда называются киргизами; так в рассказе о боях между ойратами и русскими на Иртыше в 1716 г. говорится, что «киргизов и теленгутов контайша (хун-тайджи) на себя забрал, чтобы от него не ушли». Во время переговоров с Унковским в августе 1723 г. хун-тайчжи Цеван-Рабтан жаловался, что «наши люди киргизы, которые жили на Оби реке, ныне оттуда выгнаны и обижены от кузнецких и красноярских».

Если и здесь говорится о казаках, то кочевьями казаков заполнялось все пространство между кочевьями тянь-шаньских и енисейских киргиз, чем, может быть, об'ясняется ошибка, сделанная, сначала, повидимому, ойратами, потом русскими—распространение на казаков названия киргизы (или, у ойратов, «буруты»).

Настоящих, тянь-шаньских киргиз Унковский, по примеру ойратов, называет бурутами. Ему сказали, что буруты «около озера Тускел кочуют»; так в журнале Унковского и на приложенной к жур-

налу карте называется Иссык-куль. Современный Унковскому хунтайджи Цеван Рабтан (вступивший на престол в последние годы XVII века) «народом, именуемым бурутами, завладел, которые кочуют около озера, именуемого Тускель, и с казачьею ордою граничат». Бурутов считалось около 5000 кибиток, и они могли выставить около 3000 «войска доброго». На карте буруты помещены в местности к западу от Иссык-куля; сам Унковский был только в местности к востоку от озера, около речек Тюп и Джаргалан, и там бурутов, судя по его молчанию, не видел. На так называемой карте Рената (в действительности калмыцкой карте, вывезенной Ренатом в 1733 г.) буруты отмечены только в Фергане, к югу от Сыр-дарьи; возможно, что киргизы были вытеснены из Тянь-Шаня ойратами и вернулись туда только после разрушения ойратской державы китайцами в 1758 г. Повидимому, только это движение, т. е. обратное переселение из Ферганы в Тянь-шань, сохранилось в памяти киргизского народа, считающего своей родиной Фергану и ничего не знающего о своих прежних переселениях.

В XVIII в., еще до падения ойратской державы, увеличилось число киргиз в Кашгарии; часть киргиз, племени кыпчак, через Кучу (очевидно, из Тянь-шаня) пришла в Хотан. Один из последних ойратских владетелей, Даваци, брат и соперник Амурсаны (в 1750-х г.) потребовал их выдачи. Требование не было исполнено, и киргизы приняли участие в походе одного из кашгарских ходжей, Садыка, из Хотана на Яркенд. В дальнейших междоусобиях среди так называемых белогорских и черногорских ходжей также принимали участие киргизы, как местные, так и «андижанские», т. е. ферганские, во главе которых стоял некий Кубат-мирза.

После завоевания Восточного Туркестана китайцами киргизы в Тянь-шане и на Памире признали себя китайскими подданными. В 1816 г. они поддержали восстание против китайцев ахуна Зия-ад-дина в Ташмалыке или Ташбалыке, где и потом был центр кашгарских киргиз, принадлежавших к роду Турайгыр-Кыпчак. Место Ташбалык находится к юго-западу от Кашгара, около выхода из гор речки Яман-яр, или Гез. Валиханов, бывший в Кашгарии в 1858—59 г. г., не знал других киргиз—китайских подданных, кроме киргиз рода Турайгыр-Кыпчак, живших в окрестностях Ташбалыка, хотя им же упоминается род Чон-багыш, один из главных киргизских родов; чон-багыши жили в горах на северо-западе от Кашгара. По сведениям Корнилова, относящимся к 1900 г., встречались в Кашгарии во многих местах, от Кучи на северо-востоке до верховьев реки Санджу на юго-западе, в числе 43000; часть этих киргизов «выселилась из Ферганы сравнительно недавно, в последние годы независимости Кокандского ханства» (уничтоженного, как известно, в 1876 г.). Значительная часть киргиз Кашгарского уезда принадлежала к роду Чон-багыш (более 2000 кибиток). По Радлову чон-багышцы, хотя и жили к западу от Кашгара, были прежде подданными Кокандского ханства (так и по Валиханову). Род Турайгыр-Кыпчак у Корнилова не упоминается. В статье Покровского и Стогова о маргеланском Алае, приложенной к «Статистическому обзору Ферганской области за 1911 год» колено Туру-Айгыр («гнедой жеребец») упоминается среди колен рода Кыпчак, переселившихся в царствование Алим-хана Кокандского, т. е. в конце XVIII века или в

начале XIX в., из «Карабулака Кокандского вилайета и поселились за Кесеками, выше по долине Кызыл-Су. В старину (в XVII в.), по преданию в маргеланском Алае жил только род Чон-багыш.

Русская перепись 1897 г. признавала киргиз или, как тогда говорили, кара-киргиз только в одной Ферганской области, где их насчитывалось 201.579 душ (в других областях кара-киргизы или, как их еще называли в XIX веке, «дикокаменные киргизы» об'единялись вместе с казаками под общим названием «киргизы»). Замечательно, что по статистическому обзору Ферганской области за 1911 г. число киргиз было гораздо меньше, всего 81.669, из них 60 835 в Наманганском уезде и 18379 в Андижанском.

Более всего киргиз было в Семиреченской области. После падения ойратской державы они вновь заняли горную местность по верховьям Нарына, Чу и по притокам Иссык-куля, территорию, при русском владычестве вошедшую в состав двух уездов, Пишпекского и Пржевальского (Каракольского). Незначительное число киргиз (около 50.000) жило в Аулие-атинском уезде Сыр-Дарьинской области. Во второй половине XVIII в. киргизы подверглись нападению со стороны Аблая, хана казачьей средней орды (умер в 1787 г.); Аблай «нанес кара киргизам жестокое поражение в открытой битве и сильно опустошил их страну». В XIX в. киргизы, как в Фергане, так и в горах к северо-востоку от нее считались подданными кокандских ханов; некоторым из них показалось более выгодным отдаться под покровительство России, приняв на себя обязанность провожать русские караваны в Кашгарию. Раньше других вступило в сношения с русскими самое восточное из киргизских племен, племя Бугу («олень»), жившее между восточным берегом Иссык-куля и Текесом. В 1814 г. Койчибек, сын бия Ширали, был у сибирского генерал-губернатора Глазенапа (управление Сибирью, впоследствии Западной Сибирью, находилось в то время в Тобольске) и получил «чин капитана, золотую медаль и саблю за содействие при проходе караванов», в 1824 г., через два года после издания «устава о сибирских киргизах», казанский татарин Файзулла Сейфуллин, приказчик семипалатинского купца С. Попова, живший в Семипалатинске ишимский мещанин Б. А. Пиленков и Уйсунбай Шукуров, теленгут казацкого султана Галия Адилева, уговорили биев трех родов (Джилдан, Арык-Тукун и Биляк) племени Бугу признать себя русскими подданными и отправить с этой целью депутацию. Депутаты просили позволения отправиться к высочайшему двору, но были приняты только в Семипалатинске и Омске; в Омске они пробыли с 5-го января до 25 мая 1825 г., потом были отправлены обратно, при чем до урочища Каратал их сопровождал во главе казачьего отряда подполковник Шубин, оттуда до Иссык-куля хорунжий Нюхалов с 60 казаками; с ним был лекарь Зиберштейн, автор едва ли не первого «описания о дикокаменных киргизах»; было ли это описание потом напечатано и, если нет, сохранилось ли в рукописи, мне неизвестно. Дальше всего в выражении подданства шел род Биляк; просивший даже о присылке русского отряда для усмирения грабителей, нападавших на караваны. Главой биляковцев в то время, повидимому, был еще раньше ездивший в Россию Койчибек; в депутации был брат Койчибека Алгаза. Почему-то в Омске оказали предпочтение роду Джилдан; его депутат Алимбек получил высшую награду—золотую медаль на андреевской

ленте и саблю с надписью его имени; отец Алимбека Яналак Кутлин получил золотую медаль на александровской ленте; такую же награду получили депутаты двух других родов Алгаза и Акимбек. Койчибек в письме к генерал-губернатору выражал неудовольствие, что его брат Алгаза был «сравнен подарками» с прочими депутатами; генерал-губернатор в ответном письме обещает одарить Алгазу «лучшими подарками». Насколько известно, это обещание не было исполнено. Не была удовлетворена также просьба братьев Алгазы, Юнуса и Аджибая о пожаловании им по золотой медали (для Койчибека просили сабли); не получил также награды отец арык-тукумского депутата Акимбека, Ульджебай Тлеубердин.

В этом рассказе (приведенном в «Памятной книжке Семипалатинской области» на 1900 г., выпуск 4) совершенно не встречается характерное для киргиз (в противоположность казакам) слово «манап»; интересно было бы знать, было ли оно в записке Зиберштейна. В доступном мне материале слово «манап» едва ли не впервые встречается в рассказе о гибели казакского султана Кенисары Касымова, восставшего против русских, принявшего ханский титул и убитого в стычке с киргизами в 1847 г. Об этом событии писали русским принимавшие в нем участие манапы Джантай Карабеков и Урман Ниязов, из племени Сарыбагыш, западных соседей бугинцев. Джантай получил в награду золотую медаль и похвальный лист, второй, кроме того, еще халат, обложенный золотым галуном. Посредниками между русскими и киргизами были татарский мулла Галин Якубов и казацкий султан Рустем Абулфайзов, покинувший Кенисару во время боя с киргизами (сын Кенисары, Ахмед, в своих записках, составленных со слов другого сына Кенисары, Садыка, собств. Сыддыка, говорит, что султан Рустем, „как говорят, в войне с кара-киргизами держал их сторону, хотя это, впрочем, неизвестно с достоверностью"). Урман просил еще награды для своего сына Умбет-Галия, т. е. Умбет-Али (золотой медали и, если можно, золотой сабли), но, повидимому, не получил. Вместе с тем Урман извещал о прибытии в Аулие-ата кипчаков (из Кокандского ханства), с требованием покорности от киргиз, и о своем решении не подчиняться этому требованию, даже если бы ему пришлось ради этого перейти на северную сторону Или (к русским). Наконец, он упоминал об обращенной к киргизам просьбе кашгарских ходжей о помощи против китайцев (в Кашгарии в это время происходил бунт, называемый «бунт семи ходжей»). В своем ответе русский пограничный начальник желал Урману успеха в борьбе с кипчаками и просил не вмешиваться в китайские дела, в виду дружественных отношений между Россией и Китаем. В конце 1848 г. пристав казачьей Большой орды, барон Врангель, снаряжал в Омск казачьего султана Мамыра, сына Рустема, с киргизским посланцем Сатаем, в сопровождении татарина Галина и одного казака (русского).

О манапах Радлову говорили в 1860-х годах, что они появились у киргиз в XVIII в.; рассказывали, что имя Манап носил один из биев племени Сарыбагыш, он сделался главой своего племени, и потому все бии после его смерти назывались манапами. Самому Радлову этот рассказ показался невероятным.

В написанной в 1897 году статье А. Талызина (пишпекского уездного начальника) тоже сказано, что слово «манап» перешло к

остальным киргизам от сарыбагышцев; манапов тогда было довольно много, 1231 юрта с мужским населением в 3955 душ; сюда, конечно, входили все родственники манапов, но не подчиненные манапам народные массы, об'единявшиеся под названием бухара (арабское фукара, по турецкому произношению пукара, мн. число от факир, «бедняк»). Бухара причислялась к тому же роду, как ее манап. То же самое название (пукара) носили у казаков люди так называемой «черной кости», в противоположность «белой кости», или «султанам», считавшимся потомками Чингиз-хана. Из этого видно, что манапы сделались у киргиз таким же аристократическим сословием, каким были у казаков султаны, или люди «белой кости», хотя у киргиз различия между «белой» и «черной» костью не было.

Некоторые сведения о происхождении манапов собрал в 1886 г. А. Н. Вышнегорский, ездивший в степи Аулиеатинского уезда по поручению губернатора Гродекова. Вышнегорский, повидимому, ничего не слышал ни о слове «бухара», или «пукара» у киргиз, ни о сарыбагышском происхождении манапов; ему сообщили только, что манапы—«лучшие люди, происходящие от целого ряда биев»; ни один из них не вышел из потомков Чингиз-хана (таковых у киргиз, повидимому, и не было). Манапами становились люди, выделявшиеся «храбростью и мудростью»; они были предводителями во время смут; во время внешних нашествий во главе народа становились те из них, кто выделялся среди прочих манапов: «их не выбирали, но если бы стали выбирать, то выбрали бы их». В Аулиеатинском уезде тогда считалось всего 8 манапов с их родичами.

Первая «рекогносцировка» русских войск в «Заилийский» край относится к 1852 г.; в 1854 г. уже произошло занятие этого края, при чем было построено укрепление Верное, впоследствии названное городом Верным (ныне Алма-Ата). В 1855 г. покорность русским выразил Буранбай или Бурамбай, верховный манап племени Бугу, насчитывавшего до 10.000 кибиток. Буранбай умер в начале 1858 г., за три месяца до проезда через Заилийский край или, как его назвали официально, Алатавский округ казака Чокана Валиханова, ездившего по поручению русского правительства в Кашгарию; в другом месте у того же Валиханова, им дата смерти Буранбая указана 1857 г.

Валиханов сообщает довольно подробные сведения о «дикокаменных» киргизах, о делении их на племена и об отношениях между племенами. Подобно монголам, киргизы делились на два крыла, правое (он) и левое (сол); первых было гораздо больше; левые занимали крайний запад территории киргиз, именно местность у Таласа. Из этого можно заключить, что киргизы при определении стран света становились лицом на север, а не на восток, как древние турки, и не на юг, как монголы. Правое крыло разделялось на два отдела, Адгэне и Тагай; отдел Тагай, самый обширный, разделялся на семь племен «сродных, но ведущих постоянную вражду» между собой: Бугу, Сарыбагыш, («желтый лось»), Султу, Саяк, Черик, Чонбагыш («большой лось») и Бассыз. Русскими подданными считались только бугинцы, имевшие пашни на южном берегу Иссык-куля, летние кочевья—в верховьях Текеса и Кегена. От бугинцев к западу жили сарыбагышцы, от сарыбагышцев к западу, около Пишпека и дальше, султинцы, из-за близости Пишпека, главного кокандского укрепления (хотя и в нем было всего 500 человек гарнизона), более других кир-

гиз подчинявшиеся кокандцам; в то же время, однако, Валиханов называет Султу самым хищным родом. Племя Саяк жило южнее, у верховьев Нарына и Джумгала, племя Черик—в «Тянь шаньском нагорье» к югу от Иссык-куля, чонбагышцы, как мы видели, к северо-западу от Кашгара; последние два племени были очень бедны. Где жило племя Бассыз, точно не указывается; повидимому, в Фергане, где были также пашни отдела Адгэне. По Радлову различались только шесть племен правого крыла: Бугу, Сарыбагыш, Солту (Султу), Эдигена (Адгэне), Чонбагыш и Черик. Племя Бассыз не упоминается, о племени Саяк говорится, как об одном из восьми родов племени Эдигена, хотя несколько ниже у самого Радлова племя Саяк названо рядом с племенем Черик, как самостоятельное племя; как самостоятельный род или племя оно упоминается у Талызина. По Радлову племена Эдигена и Черик еще оставались в кокандском подданстве.

По Аристову, названия племен «Сарыбагыш» и «Чонбагыш» должны рассматриваться, как след пребывания киргиз за Саянским хребтом, потому что лось в Тянь-шане не водится. Замечательно, что в словаре Радлова слова «багыш» в значении «лось» не приводится совсем. Не приводится и слова «чон» в значении «большой», заимствованное киргизами у китайцев.

По Талызину, в эпоху русского завоевания у старшего манапа рода Султу, Джангарача, было до 600 юрт, у старшего манапа сарыбагышцев, Джантая, до 700, у старшего манапа рода Саяк—до 500. Манапы, у которых было подданных менее 100 юрт, считались мелкими. Кроме подданных, у манапа были рабы (кул); при уплате куна за убитых, кроме скота, отдавались и рабы. Звание «старшего манапа» (у Валиханова в одном месте встречается термин «ага манап») было неопределенным; часто в одном и том же племени соперничали между собой несколько манапов; так, среди сарыбагышцев притязания на верховную власть, кроме Джантая, пред'являл Урман, даже принявший ханский титул. Нападения со стороны Урмана были, по словам Талызина, главной причиной, побудившей бугинцев принять русское подданство; во главе бугинцев будто бы находился султан Зарнек, что мало вероятно, так как султанов у киргиз не было. По просьбе бугинцев весной 1856 г в их область был отправлен русский (казачий) отряд под начальством полковника Хоментовского; при этом отряде были Чокан Валиханов и будущий исследователь П. П. Семенов (впоследствии Семенов-Тяньшанский). Отряд провел в степи два месяца и дошел до Иссык-куля. С сарыбагышцами было столкновение в месте Джилгын-баши, около Токмака; во главе киргиз находился манап Тлеукабыл. В стычке было убито 40 киргиз, в том числе пять манапов. Некоторое число киргиз было взято в плен; эти пленные потом были отпущены Г. А. Колпаковским, начальником Алатавского округа, по просьбе другого сарыбагышского манапа Саурамбая Худоярова, ездившего для этой цели в Верный.

Следующим шагом вперед в деле завоевания русскими киргизской области было основание в 1859 г. передового укрепления Кастек, у перевала того же имени. Осенью того же года на это укрепление напали киргизы и кокандцы; нападение возобновилось и в 1860 году. Отбив нападение, русские преследовали врагов и нанесли им поражение при Джиран-Айгыре; после этого был предпринят поход за Чу, окончившийся взятием и разорением Токмака и

Пишпека. Решительного значения этот успех не имел; несмотря на неудачу нового похода кокандцев и на поражение их при Узун-агаче, Пишпек был восстановлен ими в 1861 г. и окончательно взят русскими только в 1862 г., при чем на этот раз в действиях против кокандцев принимали участие и подвластные русским киргизы. Причиной неудовольствия киргиз против кокандской власти было, во-первых, прибытие из Ферганы поселенцев сартов (после окончательного разрушения русскими кокандских крепостей киргизы «сравняли сартовские поселения с землей и превратили их в кочевья, так что теперь почти не заметно следов их поселений"), во-вторых, производившиеся кокандскими наместниками поборы. По словам Радлова, кокандцы взимали с киргиз подати трех категорий: 1) тюнлюк-зякет, по овце с юрты; 2) алал-зякет, по 1 голове скота с 50 (2%); 3) харадж с земледельцев, по три овцы с гумна (в Кашгарии с киргиз, занимавшихся земледелием, взимали харадж в размере 1/15 урожая). Кроме того, время от времени взимали военную подать в размере одной тилли (золотой монеты) или трех баранов с юрты.

Решительное значение для разрыва части киргиз с Кокандом и перехода их на сторону русских имели события 1862 г. В этом году в Ташкент прибыла с просьбой о помощи против русских киргизская депутация, в которой находился Шабдан, сын сарыбагышского манапа Джантая, впоследствии считавшегося безусловно преданным России. В Ташкенте в то время был Худояр-хан, только что (на короткое время) вновь занявший престол после убиения своего брата Малля-хана; Худояр отпустил Шабдана с благоприятным ответом. Независимо от этого, у Джантая по семейным делам произошла ссора с другим сарыбагышским родом, Темир-булат; Джантай прибыл в Верный, заявил, что его род Тынай принимает русское подданство, и просил оказать ему помощь против темирбулатцев; просьба была исполнена, и темирбулатцы вместе с тынайцами были присоединены к России. Не зная о сношениях отца с русскими, Шабдан из Ташкента прибыл в Пишпек к новому кокандскому наместнику Рахметулле (Атабек, бывший наместником в Пишпеке в 1860 г., потом находился в Ташкенте). За измену отца Шабдан в Пишпеке был посажен в тюрьму, откуда ему удалось бежать, что еще более укрепило связи Джантая с Россией.

В то же время против Рахметуллы восстали султинцы. Главным манапом их, как мы видели, считался Джангарач; когда он состарился, его значение перешло к энергичному Байтаку (или Байтыку) Конаеву; его сын находился в Пишпеке при Рахметулле и был им изнасилован; Байтак пригласил к себе Рахметуллу и вероломно убил его, после чего он отправил в Верный своего брата просить о принятии султинцев в русское подданство. Эти события были, повидимому, главной причиной похода Колпаковского, в том же году, имевшего результатом вторичное и окончательное взятие Пишпека и занятие всего Зачуйского края.

В 1863 г. были приняты меры, чтобы отделить от Коканда и присоединить к России горную местность к юго-западу от Иссык-куля. Главным опорным пунктом кокандцев здесь было укрепление Куртка на Нарыне; кроме того, было укрепление Джумгал на реке того же имени, притоке Нарына. Сюда был направлен «кашгарский» отряд „для рекогносцировки путей, ведущих из Заилийского края в

Кашгарию". Отряд, под начальством капитана Проценко, в начале мая 1863 г. двинулся из Кастека, прошел через Буамское ущелье к Иссык-кулю, оттуда через перевал Кызарт к Джумгалу, от Джумгала мимо озера Сон-куль к Куртке. Оба укрепления сдались без выстрела. Еще раньше, с частью сарыбагышцев (отделение Есенгул) ушел на Нарын, чтобы не подчиняться русским, Умбет-Али, сын Урмана (очевидно, в то время уже не бывшего в живых). Теперь он присоединился к отряду Проценко и впоследствии приписывал себе заслугу успеха отряда; в мае 1865 г. он писал Черняеву, что «присоединился к капитану, который носит очки, и вместе с ним покорил белому царю курганы (крепости) Джумгал и Куртку». В действительности он тайно вредил отряду; его брат разграбил около озера Сон-Куль почту, в которой было донесение Проценко о занятии Куртки. В связи с этим, вероятно, находился факт, что отряду на обратном пути пришлось сражаться с восставшими в его тылу сарыбагышцами и саякцами; при урочище Икечат были отражены киргизы в числе 3000 человек. Отряд прошел обратно к Иссык-кулю и оттуда на усиление кегенского отряда, действовавшего в том же году на китайской границе и имевшего несколько вооруженных столкновений с китайцами, в том числе и в киргизской земле, на Каркаре, где Радлов еще в 1862 г. посетил бугинцев. Четыре рода бугинцев в то время еще подчинялись Китаю, в том числе род Арык-тукум, имевший сношения с Россией, как мы видели, еще в 1824 г. Прочного значения действия отряда Проценко не имели; укрепление Куртка, разрушенное (как и Джумгал) русскими, было потом восстановлено кокандцами. Колпаковский еще в феврале 1865 г. писал из Верного, что кокандская крепость Куртка «имеет влияние на все киргизские роды, кочующие в верховьях Сыр-Дарьи, по Нарыну и Кочкору, возмущает их против нас и доставляет войскам Алимкула (в то время регента Кокандского ханства) большие материальные средства».

Пограничные споры с Китаем были разрешены Чугучакским договором 25-го сентября 1864 г., но и после этого спокойствие на восточной границе нарушалось вследствие мусульманского восстания против китайского господства; восстание началось в 1863 г. в Кашгарии и распространилось в 1864 г. на Кульджинский край; к восставшим несколько раз присоединялись и киргизы, в том числе и те из них, которые считались русскими подданными. В том же донесении Колпаковского от февраля 1865 г. говорится, что «бугинцы, в особенности кочующие по Текесу, выжидают только прибытия ходжей святогорцев с войском, чтобы заявить им свою преданность и готовность жертвовать имуществом». Были, однако, случаи обращения киргиз к русским с просьбой о помощи против мусульманских повстанцев. Осенью 1864 г., когда Колпаковский был на Иссык-куле, к нему явились «двое почетных людей из дикокаменных киргиз, рода Чирик», с письмом от «старшего манапа» Турдуке. Манап жаловался на действия повстанцев, притеснявших киргиз поборами и самого Турдуке увлекших силою «под Кашгар», и просил «защитить чириковский род, принявший подданство России». Колпаковский отвечал, что в виду наступившей осени и закрытия перевалов снегами было невозможно «послать войска для защиты чириков, кочующих почти под стенами Кашгара»; поэтому он советовал им «удалиться от театра

инсуррекции» на Нарын. Чирики не имели возможности тогда последовать этому совету; никаких других мер для их защиты принято быть не могло, и положение их оставалось таким же и в 1865 г.

Больше всего значения для решения судьбы киргиз имел, конечно, исход войны с Кокандом. Еще в начале 1864 г. положение было крайне неопределенным; под влиянием воззваний ташкентского наместника, с обещанием полного прощения за убиение Рахметуллы, Коканду вновь подчинилась часть султинцев во главе с Джангарачем, и часть сарыбагыщцев, кочевавшая на Нарыне, во главе с Умбет-Али; большая часть султинцев, во главе с Байтыком, и сарыбагышцев уклонились от уплаты зякета кокандцам и продолжали сношения с начальником Алатавского округа. Джангарач умер в том же году; его сын Чолпанбай также получил от ташкентского наместника ярлык на звание старшего манапа рода Султу. Но и те манапы, которые оставались подданными России, не считались надежными. Из султинцев манапы Кокум и его сын Чайбек, «родственники манапов Джангарача и Байтыка», приняли участие в нападении на подчиненных России казаков; в феврале 1864 г. в таком же нападении принимал участие брат Байтыка Сатылган; киргизы разграбили до 50 аулов Дулатовской (казачьей) волости, „увели в плен женщин и детей и сожгли юрты». Манапы казались настолько ненадежными, что войсковой старшина Бутаков, посланный во главе двух сотен к Токмаку «под предлогом прикрытия рекогносцировки ущелий речек Большой и Малой Кебин», хитростью заманил к себе в Токмак несколько влиятельных манапов из султинцев, в том числе Байтыка, и сарыбагышцев, «под благовидным предлогом» задержал и увел с собою в Верный.

Готовясь к походу на Аулие-ата (известно, что этот город был взят Черняевым 4-го июня 1864 г.), русские, однако, находили нужным привлечь киргиз на свою сторону примирительными действиями. Задержанные скоро были отпущены к своим родственникам с успокоительными уверениями; некоторые из них, как Байтык, Корчу и родственник Умбет-Али Менде, или сами присоединились к русским отрядам, или присоединили к ним своих сыновей и ближайших родственников. Даже Чолпанбай, захваченный казаками (Дулатовской волости) с ярлыком ташкентского наместника, был отпущен с почетным халатом. Эти меры достигли цели; дети Джангарача и Бочкай Канаев (последнему принадлежали пашни от вершины речки Ашпары до Мерке) выразили покорность Черняеву. На верхнем Таласе и на Карабуре Черняеву, однако, пришлось иметь дело и с враждебными манапами; в числе их упоминается Сарамсак, собравший до 200 вооруженных киргиз. Поход, во всяком случае, способствовал упрочению русского господства над киргизами; уже в Пишпеке к русскому отряду явились некоторые бии, «которые никогда не являлись прежде русскому начальству». В августе 1864 г. Черняев писал, что «сообщение Аулие-Ата с Верным совершенно обеспечено», хотя между Пишпеком и Токмаком был случай гибели подпоручика Губара, беспечно заснувшего на траве и зарезанного «дикокаменными шенчи» (земледельцами), работавшими вблизи на пашне, в числе пяти человек.

Мы видели, что, несмотря на успехи 1864 г., Алимкул еще в 1865 г. получил поддержку от киргиз из Куртки, и вообще возмож-

ность получения кокандцами помощи от киргиз не исключалась, как не исключалась возможность возобновления кокандцами наступательных действий, особенно с юга. В январе 1865 г. начальник укрепления Токмак доносил, что кокандцы двигаются в большом числе к верховьям речки Иссыгаты, «грабя аулы киргизов и лошадей у них». В марте опасались вторжения Алимкула в Чуйскую долину через перевал Шамси. В январе Черняев писал, что левый (т. е. южный) фланг русских «населен кара-киргизами, племенем наиболее диким, между которыми Алимкул, как однородец их, может скорее встретить сочувствие, чем между киргизами (т. е. казаками) Большой орды» Опасения не оправдались; еще до поражения и смерти Алимкула (9 мая) и падения Ташкента (15 июня) Россия получила значительное число новых подданных из киргиз; в марте манап племени Саяк Осман Рускулбек просил о принятии его в русское подданство с «подвластными ему десятью тысячами кибиток»; на это последовало высочайшее соизволение, чем было несколько недовольно министерство иностранных дел; в письме вице-канцлера Оренбургскому генерал-губернатору от 5 июня выражалась надежда, что «принятием этого племени в подданство мы не уклонимся от тех начал относительно наших границ и наших дальнейших действий в Средней Азии, которые уже приняты в руководство, так как уклонение от них могло бы иметь самые вредные последствия». В июне, еще до завоевания Ташкента (автор даже был против такого завоевания, хотя тут же говорит о необходимости сделать границей русских владений реку Сыр-Дарью на всем ее протяжении), была составлена секретная записка, где говорится, что «теперь все северные кара-киргизы (т. е. все, кроме ферганских и кашгарских) в русском подданстве, кроме немногих в верховьях Чирчика и у прорыва Джумгала через Уртак-тау, откуда еще кокандцы могут устроить против нас горную войну». В том же году, после взятия Ташкента, перестали существовать и эти исключения. В виду выразившегося в письме вице-канцлера настроения высших сфер, Оренбургский генерал-губернатор (Крыжановский) был даже недоволен, когда Черняев своею властью разрешил перекочевать в русские пределы подавшим прошение о принятии их в русское подданство манапам: манапам «дикокаменных киргиз рода Турукли, Шамень, Кодан, Байтелэ и Джаманак», кочевавших на Джумгале, в числе тысячи кибиток, и рода Богиш (Багыш) манапу Сарымсаку», кочевавшему за Карабурою, в числе 150 кибиток. Манапы, кочевавшие у Джумгала, получили от Черняева разрешение перейти на Кочкар, тем более, что эти места в то время никем не были заняты. Потом оказалось, что ходатайство возбуждено манапами рода Бурукчи, или Исенкул, из сарыбагышцев, находившихся прежде с Умбет Али; вопрос об удовлетворении их ходатайства был разрешен уже в 1866 г. В октябре 1866 г. прибыли с Кокшала манапы от чириковских киргиз; вследствие притеснений, которым они подвергались со стороны Якуб-бека кашгарского и со стороны принявшего кашгарское подданство Умбет-Али, они просили позволения «кочевать на реке Таранче или же в верховьях Нарына». Окончательное утверждение за Россией всего Нарынского края произошло в 1867 г., когда было устроено Нарынское укрепление. Тогда же в пределы России возвратился Умбет-Али «окончательно обедневшим», и поселился в Пржевальском (тогда Иссык-кульском) уезде.

Талызин считает временем окончательного покорения киргиз 1865 год, когда в русские пределы пришел род Бурукчи. Повидимому, в том же году произошло одно из последних, если не последнее (не вполне ясно, когда произошло то сражение полковника Полторацкого с Умбет-Али на Атбаше, о котором говорит Талызин) вооруженное столкновение между киргизами и русскими. Вследствие полученных сведений о намерении некоторых киргиз весной принять участие в действиях мусульманских повстанцев в Кашгаре Колпаковским было приказано «доставить в отряд на реке Аксу и там задержать более влиятельных манапов»—конечно, как в 1864 г. «под благовидным предлогом». Тем не менее, бий Суанбек, кочевавший в долине реки Сарджас (Сары-джас), в мае сделал попытку откочевать в Кашгар; посланный за ним небольшой отряд догнал его в верховьях Сарджаса и предложил ему вернуться в русские пределы, но Суанбек, «пользуясь численным перевесом», захватил людей и, «отобрав амуницию и оружие, связал и, нанося побои, продолжал дальнейшее движение». Узнав об этом, начальник текесского отряда послал для преследования Суанбека более значительные силы, которым и удалось освободить пленных и взять в плен самого Суанбека. В том же году бывшая воинственность киргиз проявилась еще по другому поводу; сарыбагышцы в полном составе сели на коней и выступили с оружием в руках против саяковцев, захвативших в плен сына манапа Тюрегельды; но пленный был освобожден по настоянию русских властей, и столкновение было предотвращено.

У Талызина приводятся еще сведения о размещении киргиз после подчинения русским. В общем каждое племя сохраняло свою прежнюю территорию. На крайнем западе попрежнему жил род Султу, под главенством манапов Байтыка и Корчи; первому принадлежала территория от Карабалты до Пишпека, второму—от Пишпека до Иссыгаты. Племя Саяк (имя его манапа не приводится) попрежнему занимало пространство от Александровского хребта до Нарына. Берега Иссык-куля и восточная часть Чуйской долины попрежнему были заняты сарыбагышцами, при чем Джантай считавшийся более благонадежным, получил более важную в стратегическом отношении территорию от Кутемалды и Буамского ущелья до Каракунуза и перевала Шамси. Менее надежный манап Тюрегельды был оставлен на реке Кегеты; впоследствии эти киргизы были переведены в местность «по юго восточному склону Александровского хребта и по долине Каракола и Качкара», так как «земли их в Чуйской долине понадобились под оседлые русские поселения». Остальные киргизы оставались и в конце 90-х годов там же, где были в 60-ых. Талызин говорит только о киргизах Пишпекского уезда; из сведений собранных Радловым, видно, что бугинцы по-прежнему жили от восточного берега Иссык-куля до Текеса, откуда часть их перешла в Кульджинский район, где в то время образовалось мусульманское султанство, занятое русскими, как известно, только в 1871 г.

Радлов в 1869 г. посетил сарыбагышцев и султинцев «не более чем через пять лет» (*Kaum 5 Jahre*) после покорения, и нашел там полное умиротворение; повсюду он мог ездить без конвоя и нигде не встречал враждебного отношения. Киргизы даже легче примирились с русским управлением, чем их северные соседи (казаки). В отличие от казаков, киргизы тогда жили не мелкими аулами, а це-

лыми родами; иногда юрты одного рода тянулись вдоль берега речки верст на двадцать и более. Перед каждой юртой стояло копье, чего у казаков не было. Часть народа занималась земледелием; пашни обрабатывались еще тщательнее, чем у казаков. Известно, что записанные Радловым киргизские тексты, особенно эпические вошли в пятую часть его «Образцов народной литературы тюркских племен». В киргизском эпосе часто упоминаются ногайцы; повидимому, даже главному герою, Манасу, приписывается ногайское происхождение (он причисляется к сары-ногаям), что заставляет предполагать влияние ногайского эпоса на киргизский. Пути этого влияния еще не выяснены. Судя по словам Талызина, грамотность, несмотря на частую переписку с русскими властями, была у киргиз, как и следовало ожидать, мало распространена: «на весь Чуйский край был один писарь из сартов». В противоположность этому, Вышнегорский слышал в 1886 г., что «в каждой кара-киргизской волости Аулиеатинского уезда находится от одной до четырех школ (мектебов), содержимых богатыми людьми».

Мы видели, что русская власть сначала признала манапов. По свидетельству Талызина, бумаги адресовались, например, «старшему манапу сарыбагышей Джантаю-батырю». Валиханов в декабре 1864 г., осуждал русские власти за то, что ими «ничтожный, известный лживостью» Сарынбек (или Сарымбек) был возведен в звание «ага манапа», тогда как прежде у киргиз аристократии не было, и только немногие, как Урман и Бурумбай (или Бурамбай, Буранбай), выдвинутые своими личными качествами, достигали главенства, при чем первый был известен храбростью, второй—замечательным умом. Назначив главным манапом ничтожное лицо, русские «случайное явление возвели в постоянное достоинство»; этим же они вооружили против себя других манапов (называются Мурад Али, из бугинцев и Боли-Карай), которые «ушли не от нас, а от Сарымбека». Мне неизвестно, имеется ли в виду тот Сарамбек, или Сарымбек в долине Таласа на Карабуре, с которым имел дело Черняев, или упоминаемый у Талызина манап Саурамбай Худояров, бывший в 1868 г. младшим помощником уездного начальника и бывший в живых еще в 1897 г., когда о нем говорится только как о «почетном старике Тынаевской волости» (из сарыбагышцев).

Во всяком случае власть манапов скоро пришла к концу: по временному положению 1867 г. (замененному впоследствии положением 1886 г.), выборные бии могли быть одинаково из манапов и не манапов.

Рассмотрение судеб киргизского народа, как части населения сначала Российской империи, потом СССР, не входит в задачу настоящего очерка.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР